

Сага 16

О славе и Севере

Hólmgangur og tjósnuþlót

Валхейм:

хов острова Фюн

*Тор, гром и молния
в Исландии*

Рагнарёк как космогония

Слово от редакции.

Дорогие читатели!

Альманах рад приветствовать вас в светлое время Мидсаммера! Пусть жизнь каждого наполнится энергией расцветающих трав, сиянием Соль, сияющей силой Фрейра и Фрейи и благой заботой Ньёрда! Пусть с вами будут мудрость и вдохновение Одина, Советчика в пути, и умение добиваться своего под негневным взором владык тинга — Тюра и Форсети! Да хранят верных все боги и Тор, Защитник и Друг людей!

Радостного Мидсаммера всем!

Gleðilegt Miðsumar allir saman!

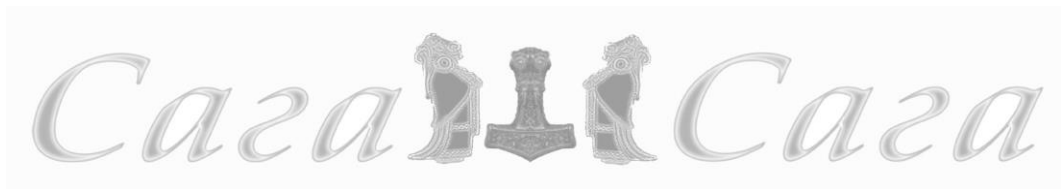
Ну, а коллектив редакции с удовольствием представляет вам материал для размышлений и, может быть, дел, делится накопленным за полгода, прошедшие с момента выхода предыдущего номера, и благодарит за помощь и отзывчивость авторов, публицистов, литераторов, переводчиков, художников, чьё участие сделало этот номер живым и интересным. Благодарим и читателей за внимание, оно даёт нам силы продолжать работу, придаёт ей смысл.

Спасибо вам большое!

Þakka yður kærlega fyrir!

Художник – Ирина Назаренко

Оглавление:

Слово от редакции	2
I. Боги и богини.	
Деклан Таггарт. Похищение его грома. Исследование древнесеверного образа Тора.	4
Ян.Козак. Один. Миф, Жертвоприношение и Инициация.	28
II. Северная Традиция: истоки	
Ян Козак. Рагнарёк как космогония.	35
Светлана Волкова. Птицы в традициях и верованиях германских народов.	41
Вадим Сеничев. Поединок чести в исландских сагах (отрывок из книги «Боги, герои и скальды»).	51
III. Язычество сегодня.	
Альтинг-2018.	57
Вячеслав Володин. Valheim Hof: храм Джима Лингвилда.	58
IV. Заметки реконструктора.	
Светлана Волкова, Алла Романова. Мастер-класс «Жар-птица».	74
V. С кем нам по пути	
Интервью с Тимофеем Ермолаевым, переводчиком саг и основателем и ресурса «Северная Слава».	76
VI. Творчество	
Анатолий Баранов. Сказки троллей.	83
Дмитрий Добровичинский. Руническая поэма.	89
Этноархаика Максима Сухарёва.	98

I. Боги и богини.

Похищение его грома. Исследование древнесеверного образа Тора. (*Stealing his thunder. An investigation of old norse images of Þórr*)

Автор - Деклан Таггарт, Университетский колледж Корка
(Declan Taggart, University College Cork)
Перевод с английского¹ Н. Топчий (Tradis)

Вступление

Это изображение древнескандинавского бога Тора висело в Национальном музее Стокгольма столько лет, что может уже являться архетипичным для современного глаза. Бог Грома Мартина Эскила Винге (*Mårten Eskil Winge*) на полотне «Тор сражается с ётунами» (*Tors strid med jättarna*) возвышается, стоя в момент удара на своей колеснице, его Молот поднят над ним — как часто говорилось в поэзии Средних веков и эпохи викингов. Ветвистые молнии разрывают воздух и окутывают Молот. Красноглазые козлы тянут его колесницу и топчут копытами толпу мускулистых ётунов, традиционных врагов Тора.

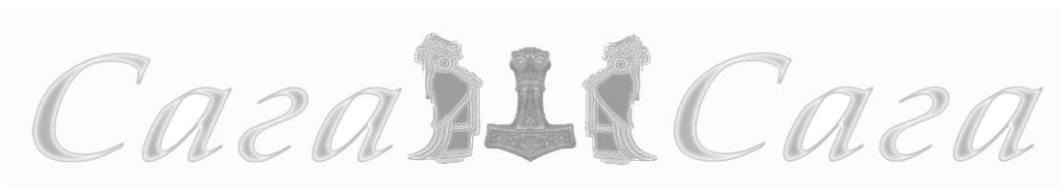

Хотя многие из перечисленных подробностей можно найти в текстах раннего Средневековья, живопись Винге не возникает из какого-либо единого источника. Скорее, это воплощение понимания божества и, шире, дохристианских верований севера — двух конструкций, которые были частично сформированы по романо-греческим лекалам, поскольку изображение ётунов по Винге демонстрирует их выраженную мускулатуру, более напоминающую римскую статую божества, чем любую сохранившуюся статуэтку с севера, времён раннего Средневековья или ему предшествовавших².

Мартин Эскил Винге. Тор сражается с ётунами.

1 Статья опубликована в *Saga-Book*, 41, 2017. Примечания к тексту, если не указано иное, выполнены автором статьи. В журнальной публикации опущена из-за своего объёма библиография, однако ссылки на литературу в тексте сохранены.

2 Термин «религия» используется в этой статье согласно доводам Линдберга (*Lindberg* 2009) и Нордберга (*Nordberg* 2012) и поэтому включает в себя многие явления древнесеверной и исландских культурных практик, которые здесь обсуждаются.

В прошлом Лотте Моц (*Lotte Motz*, 1996, 40-41, 48, 55-57) и Хильда Эллис Дэвидсон (*Hilda Ellis Davidson*, 1965, 3, 5) поставили под сомнение справедливость, по крайней мере в Исландии, всё ещё доминирующей концепции, что средоточием образа Тора является изображение его как бога грома, и в этой статье я продолжаю исследовать вопрос далее. Ассоциация грома и молнии с Тором в большом числе недавних популярных явлений культуры и научных исследований распространяется и на учёных, которые используют идентификацию Тора как бога грома в качестве основы для этимологического, филологического и/или археологического исследования (для краткого обзора учёных, занимающих такую позицию, см. *Taggart* 2015, 59-60). Если же современные представления о божестве значительно отличаются от эпохи викингов и ранних средневековых представлений, это создаёт проблему.

Моё исследование рассматривает, в том числе, как древние представления о Торе могут отличаться между собой, и обсуждает возможные причины наблюдаемого разнообразия.

Я сосредотачиваюсь здесь на нескольких ключевых образах и текстах, хотя привожу весь спектр дошедших до нас источников по древнесеверной традиции, от эддической и скальдической поэзии до прозаической «Эдды» Снорри Стурлусона и писаний современных и почти современных историков и этнографов. Хотя достоверность этих текстов как источников по древнесеверной мифологии и религии уже подробно разбиралась в других местах (например, *McKinnell* 2005, 37-49), размышления по этой теме будут приведены ниже, так как они актуальны для аргументации статьи.

В текстах источников будут искаться явно заданные утверждения о связи между Тором и громом и молнией, с целью избавить данный анализ от предвзятости при подтверждении тезисов. Учитывая популярность рассматриваемой ассоциации в современной культуре, было бы слишком легко истолковать свидетельства, что являются косвенными — или требующие отсылки к другим источникам для их интерпретации, как во многих случаях подходящей материальной культуры, — таким образом, чтобы подтвердить уже существующие предположения. Если гром был важным для Тора атрибутом в средневековом обществе эпохи викингов, где создавали и передавали поколениями поэтические и прозаические произведения об этом боге, естественно ожидать, что это будет однозначно отражено в записанных текстах.

Виги-Тонар (*Wigifonar*) и его колесница.

Есть момент в свидетельствах, которые довлеет над данным обсуждением ошутимее прочих. Имя *Þórr* имеет корни в прото-германском **þunra-*, которое, по-видимому, отсылает нас непосредственно к «грому» как слову общего происхождения, подобно немецкому *Donner* и голландскому *donder* (для дополнительных сведений по этимологии и родственным словам см. *de Vries* 1977, статья *Þórr*). Как свидетельствует фибула седьмого века из Баварии с надписью *wigifonar* (возможно, «битво-» или

Сага Сага

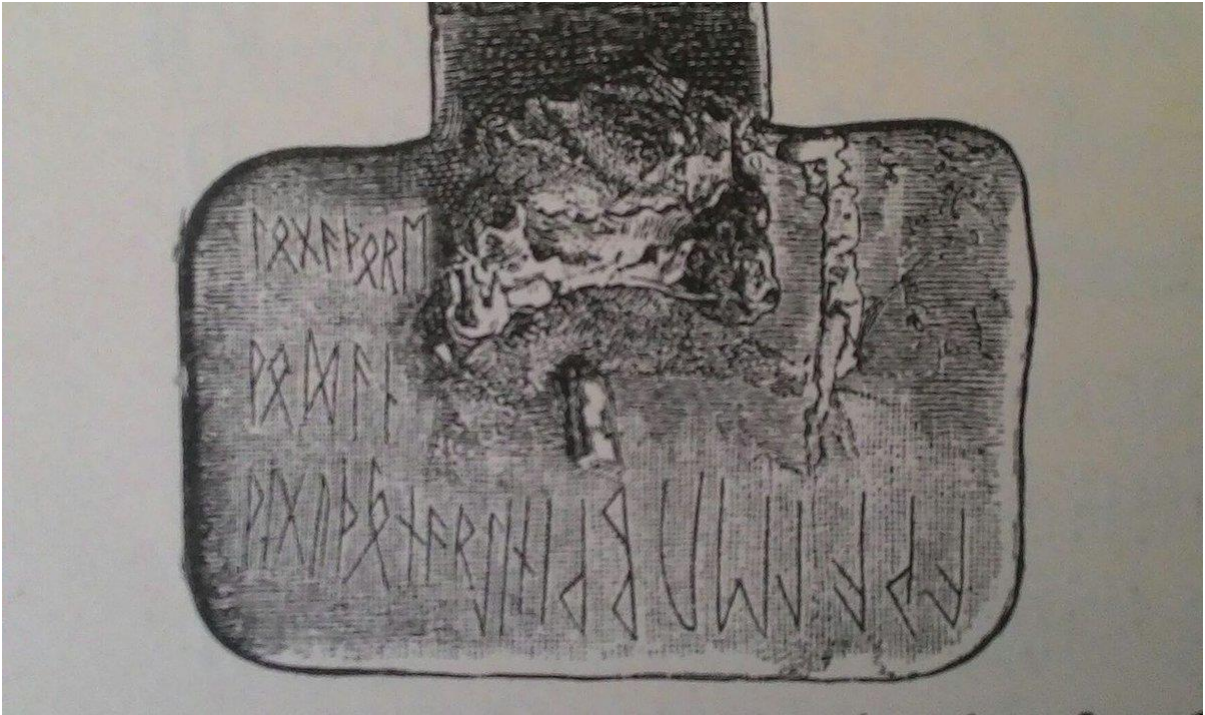
«освящающий-*Þórr*»), потенциально имя божества очень древнее, что в совокупности указывает на то, что имелась связь между Тором и громом на одном из этапов эволюции божества³. Однако видоизменения имени *Þórr* в наших источниках не обязательно подразумевают, что такая связь продолжала иметь значение в более поздние века в Скандинавии и Исландии.

Фibuла из Нордендорфа (Nordendorf I).

³ Прочтения и надписи на фибуле *Nordendorf I* и первого элемента слова *wigi-* различны, но хорошим отправным пунктом для исследования вопроса служат *McKinnell & Simek* (2004, 48-49).

Сага Сага

Руны на обратной стороне Nordendorf I: 1) *Logapore Wodan Wigiponar* 2) *Awa (I) eubwini* (Ава любимая/дорогой друг, где Ава — женское имя, от *Awila*).

Значения слов меняются со временем, потому что этимология не является неопровержимым руководством при поиске смыслов и сопутствующих значений. Значения определяются прагматикой культурной и синтаксической среды использования (см. *Barr* 1961, 34-35), и это особенно верно для имён собственных, образованных от нарицательных. Даже там, где имена собственные остаются гомофоническими с нарицательными, обозначаемое нарицательное не обязательно имеет описательную ценность для параллельного собственного имени (см. *Kiviniemi* 1975). В повседневном использовании имя *Þórr* могло относиться к богу без смысловых ассоциаций с громом, так же, как кто-либо в Англии, упоминая о Карен Смит⁴, не должен представлять себе человека, стучащего по наковальне.

Использование имени *Þórr* (или некой модификации его), следовательно, не является однозначным подтверждением связи между этим божеством и громом в эпоху викингов, через долгое время после того, как имя появилось. Это особенно справедливо в Исландии, где слова, родственные имени *Þórr*, кажется, не сохранились в смысле «грома» вообще; для этого явления предпочитают такие слова, как *þruma* и *reið*. В Швеции, напротив, архаичным словом для грома является *tordön*, в Дании и Норвегии используется *torden*. Эти последние два термина формируются из слов, родственных с *Þórr* (норвежское, шведское, датское *Tor*) и с древнесеверным (ON) *dynr* «шум» в этих

⁴ От переводчика: *Smith*, букв. «Кузнец».

Сага Сага

языках (Hellquist 1922, см. заголовок *tordön*). Как предлагает Элов Хеллквист (*Elof Hellquist*) для шведского варианта, эти термины не могут быть выведены из связи с богом, а скорее просто из смысла «грома». Хеллквист утверждает, что конструкция, подразумевающая бога Тора, должна была бы включать родительную форму названия, такую как **torsdön* (1922, под *tordön*). Хеллквист в качестве сравнения предлагает шведскую диалектную форму *torshåla*, «пещера Тора» (то есть источник грозových туч), это показывает, что бог позже, как минимум, имел некоторое фольклорное отражение в восточной Скандинавии как причина грома (1922, см. *tordön*).

Из различных комбинаций с именем Тора наиболее значимой для нас является *Okubórr*. Это имя ни разу не встречается в поэтической «Эдде» или скальдической поэзии, независимо от источника; оно появляется только в «Эдде» исландца Снорри Стурлусона (неоднократно в «Видении Гюльви» и в одной главе «Языка поэзии»), где оно связано с владением колесницей: *Þórr á hafra tvá ... ok reið þá, er hann ekr, en hafrarnir draga reiðna. Því er hann kallaðr Oku-Þórr* («У Тора есть два козла ... и колесница, на которой он ездит; козлы же везут эту колесницу. Потому-то он зовется он Эку-Тор⁵» («Видение Гюльви», 21. См. также «Видение Гюльви» 44, 46, 53, «Язык поэзии», 1⁶). Таким образом, Снорри предполагает, что это имя называется «едущий-Тор», от исландского *aka* — «ездить [на колёсном средстве]», и многие ученые согласны с таким выводом, хотя *oku-* также может быть получено из имени финского бога грома Укко-*Ukko* (Simek 1993, под *Oku-Thor*; Cleasby and Gudbrand Vigfusson 1874, под *Öku-Þórr*; Finnur Magnússon 1828, 671; ср. Peter Jackson 2005, 491).

Оба варианта этимологически возможны, и оба связаны с громом. Представление о Торе, создающем гром и молнию благодаря движению своей колесницы, соответствует этиологическим идеям, сохранившимся во многих древнесеверных мифах, и, более специфически, картине, рисуемой в норвежской поэме *Haustlong*⁷ (см. далее). Связь с Укко поддерживается сходством между божествами, поскольку оба владеют Молотом, что может для кого-то подтверждать идентификацию, хотя по многим параметрам они, если уж искать аналогии, отличаются (см. Bertell 2003, 80-81). Имя *Ukko* собственно означает не «гром», но скорее «старик», что дистанцирует *Okubórr* от коннотации с «громом», хотя финны используют для грома слово *ukkonen*, уменьшительную форму имени (*de Vries* 1970, vol. 2, § 419; *Salo* 1990, 106, 159).

Тем не менее, неясно, почему имя *Okubórr* появляется только в Исландии, сохранённое исключительно «Эддой» Снорри, если оно вдохновлено божеством, пришедшим с востока. Это может означать, что имя *Okubórr* было придумано в Исландии, хотя это может быть примером случайного выживания при том, что следов

5 От переводчика: здесь и далее перевод «Младшей Эдды» на русский О. А. Смирницкой.

6 Неточность автора: отрывки для двух последних указаний не содержат употребления имени Эку-Тора.

7 От переводчика: поэма *Haustlong* (вариант перевода названия — «Долгая осень» либо «Осенне-длительное») была написана в начале X века (у автора — в IX в.) норвежским скальдом Тьодольвом из Хвина (*Þjóðólfr of Hvinir*). Произведение описывает мифологические сцены на щите, скальду подаренном.

имени в источниках Скандинавии просто не сохранилось. Без дополнительных свидетельств, почему и где оно появилось, вопрос для нас останется тайной. Ни финская интерпретация, ни гром не упомянуты в единственном источнике, в котором сохранилось имя Эку-Тора. Для Снорри только колесница оказалась подходящей, хотя он, вероятно, знал о путешествии Тора в *Haustlong*. Учитывая базовую цель «Эдды» пересказать и объяснить древнесеверные мифы и легенды, на которые часто ссылалась скальдическая поэзия («Язык поэзии», 1), представляется, что если бы у Снорри были различные версии, он бы привёл их здесь. Поскольку он не сделал этого, можно предположить, что *Okubórr* был для современников Снорри метонимией⁸ только Тора, но не грома.

Нужда в «Эдде», справочнике, разъясняющем отсылки к древнесеверной мифологии, показывает, что культурный ландшафт во времена Снорри кардинально изменился по сравнению с более ранними поколениями сказителей. Представление Снорри о колеснице Тора не обязательно означает, что предыдущие поэты не понимали еще одного слоя этого образа и не связывали божество с громом и молнией. Связь между громом и колесницами, очевидно, была крепкой в различных северных регионах, учитывая названия грома, используемые в Исландии и Швеции. В Исландии *reið* может означать и «гром», и «колесницу» (этимологию слова и ему родственные, см. *De Vries* 1977, раздел *reið*). Точно так же современное шведское *åska* («гром») состоит из OSw (древнешведского) *ækia* (ON *ekja* «езда, движение, вождение») и из *ås* (ON *áss*), древнескандинавского название для членов группы богов, к которой принадлежит Тор. Поэтому он, кажется, хорошо известен в качестве бога, управляющего колесницей как причиной грома. Более того, *åska*, вероятно, термин очень древний, о чем свидетельствует его существование в древнешведском как *āsikkia* (*Hellquist* 1922, раздел *åska*). Хотя *åska* может относиться к любому из асов (или божеству, сопоставимому с этой группой в восточной Скандинавии, но не в древнеисландской литературе), и *reið* не дает никаких намёков на сверхъестественное происхождение грома вообще, оба термина обычно привязаны к Тору при понимании того, что он бог грома этого пантеона и божество, которое управляет колесницей во многих мифах (например, «Речи Альвиса», 3: 4, «Драпа о Торе», стихи 15: 5-6, 20: 6, «Песнь о Хюмире», стихи 20: 2, 31: 2 5: 3. См. *de Vries* 1970, II § 441, *Hellquist* 1922, раздел *aska*, *Motz* 1996, 65, *Turville-Petre*, 1964, 99). Возможность того, что эти термины были конкретно связаны в раннем исландском и скандинавском сознании с движением колесницы Тора, отклонять нельзя.

Простое сходство между звуком едущей колесницы и громом могло быть достаточным для того, чтобы породить *reið* в качестве обозначения для грома, особенно

⁸ От переводчика: метонимия — словосочетание, в котором одно слово заменяется другим, обозначающим предмет, находящийся в той или иной (пространственной, временной и т. п.) связи с предметом, который обозначается заменяемым словом. Замещающее слово при этом употребляется в переносном значении. Пример: «ведро (вода) расплескалось», «съесть тарелку (содержимое)».

Сага Сага

когда само небо можно было назвать *vagnbryggja*, т.е. «мостом-повозки» (*Nikulás Bergsson* 2007 3: 6), а что касается *aska*, повозок и колесниц, по-видимому, они были неотъемлемым аспектом культовой процессии и погребальной практики на севере, независимо от призываемого божества (*Fuglesang* 2007, 207-11, *Nordvig* 2013, 22- 23). Многие божества, помимо Тора, также владели повозкой или колесницей в германской литературе. Например, Фрейр движется или перевозится в повозке в нескольких текстах (*Wyatt and Cook* 1993, 7, «Видение Гюльви», 49), в то время как Инг-*Ing* (т.е. Ингви-*Yngvi*), что есть, вероятно, другое имя Фрейра, ведёт *wæn* («колесницу») за собой в «Древнеанглийской рунической поэме»⁹ (*Halsall* 1981, 67-69). В других источниках изображены Фрейя, сидящая в колеснице, которую тянут две кошки («Видение Гюльви», 24), и Бальдр в *biga* («колеснице») у Саксона Грамматика (*Saxo Grammaticus* 2015, I 154 (III, 2.12)), а использование повозок засвидетельствовано в культе загадочного бога Лютира¹⁰ (*Guðbrandur Vigfússon and Unger* 1860-68, I 579-80) и, намного раньше, Нертус (*Tacitus* 1999 ch. 40)¹¹. Можно привести и другие примеры, простирающиеся вплоть до солнечной колесницы из Трудхольма (*de Vries* 1970, § 80).

Из-за одного того, что звук грома был связан с повозками, а у Тора есть колесница, ещё не следует, что звук грома должен (или должен исключительно) быть связанным с Тором. Существующие поэтические свидетельства о божественных колесницах, среди которых доминируют связанные с Тором, могут быть искажены, потому что рассказов о богах, которые, подобно Фрейру, тоже описывались с колесницей, сохранилось меньше. Выглядит так, что любое могущественное сверхъестественное существо способно создавать такой шум при своих путешествиях — например, вспомним гром от копыт Слейпнира или лошади Фрейра («Видение Гюльви», 49, «Речи Скирнира», 14), — и, возможно, связь была особенно сильной с повозками из-за созвучия между громом и звуком колес, на которое указывают *aska* и *reið*. Более того, перекрывающиеся причины явлений нередко встречаются в древнесеверном мифе, как свидетельствуют многочисленные варианты власти над ветрами¹².

9 Про связь между Фрейром и Ингви см. *North* 1997, 26-43.

10 От переводчика: Лютир или Литир (*Lytir* или *Lýtir*) упоминается в «Пряди о Хауке» (*Hauks þáttur hábrókar*), что входит в «Прядь о Харальде Прекрасноволосом», сохранившуюся в приложении к «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» из «Книги Плоского Острова» (*Flateyjarbók*). В пряди рассказывается, как шведский конунг Эйрек вопрошает Лютира. Повозка отправляется в священное место, бог входит в неё, затем повозка прибывает в палату конунга, где божество отвечает на вопросы. Других упоминаний нет, но известно несколько шведских топонимов, которые могут содержать элемент этого имени, такие как *Lytisberg* (Утёс Лютира) и *Lytislunda* (Роца Лютира). Есть версия о связи имени божества и слова *hlutr* — «жребий/доля/участь», или *lýti* — «порок». Делались попытки отождествить бога с Лодуром.

11 В этой работе используется как издание, так и перевод *Gesta Danorum* в *Saxo Grammaticus* 2015. Если не указано иное, прочие переводы с латыни являются моими собственными (прим. — т.е. принадлежат самому Д. Таггарту).

12 Достаточно указать лишь на несколько примеров. Один имеет власть над ветром, как свидетельствует «Песнь о Хюндле», 3. Хеймдалль известен как *Vind(h)lér*, что, вероятно, означает либо «ветер»+«море»,

Сага Сага

Несмотря на множество текстов, которые касаются колесницы Тора, прямая связь с созданием грома и молнии имеется только в одном месте, в поэме девятого века *Haustlǫng* норвежского поэта Тьодольва из Хвина (*Þjóðólfr ór Hvinir*). Семь из двадцати сохранившихся строф этой поэмы рассказывают историю конфликта Тора с врагом по имени Хрунгнир, и некоторые из них подробно рассматривают воздействие на окружение путешествия божества по небесам на битву: *dunði... / mána vegr und hǫnum* («грохотал путь Луны (=небо) за ним», *Haustl.*, 14); *Knottu ǫll, en . . . / endilǫg . . . / grund vas grápi hrundin, / ginnunga vé brinna* («все святилища ястребов (=небо) горели, и земля была разрушена градом¹³», *Haustl.*, 15); *brann upphiminn* («верхние небеса горели/небо горело сверху», *Haustl.*, 16). Несмотря на то, что Моц считает исходным для этого образа полярное сияние (*aurora borealis*) на том основании, что это пламя не смертельно (хотя сложно понять, обсуждает ли она в этом месте *Haustlǫng*, прозаическое истолкование Снорри, или и то, и другое: 1996, 56), совместное появление огня и громкого грохота в этих строфах делает наиболее логичным понимание их именно как грома и молнии. Тем не менее, гром и молния не являются основными для Тьодольва. В приведенных выше цитатах эти явления появляются вместе с градом, и поэт описывает дальнейшие стихийные бедствия, вызванные движением Тора: *gekk Svǫlnis ekkja / sundr* («вдова Свёлънира (=земля) раскалывалась», *Haustl.*, 15); *berg ... / hristusk björg ok brustu* («горы тряслись и скалы разламывались», *Haustl.*, 16). Гром и молния здесь случайны, как и град, раскалывающиеся камни и похожее на землетрясение изображение раскалывающейся земли; только сочетание этих образов является основополагающим, вызывающим ощущение буйства и природного хаоса, которое выражает присущую божеству мощь на его пути на битву (подробнее в работе, что будет опубликовано). Хотя это стихотворение, безусловно, усиливает впечатление, что между Тором и громом существовала связь, по крайней мере в Норвегии девятого века, оно одновременно подрывает центральную роль этой ассоциации в характеристике бога даже в то время и в том месте.

«Драпа о Торе», 15 (*Þórsdrápa*) является типичной для неоднозначной семантики колесницы Тора в других поэтических контекстах. Созданное исландцем Эйливом Годрунарсоном (*Eilífr Goðrúnarson*) в конце десятого века произведение описывает Тора, как *hofstjóri hreggs váfreidar*, «рулевого остова раскачивающейся повозки шторма», явно связывая небесную колесницу божества с бурями. Вот только недостаточность свидетельства *hregg* (компонента «шторма» в этом описании), используемого в связи с громом и молнией, представляет проблему для нашего

либо «защитник от ветра» (*de Vries* 1977, раздел *Vindhlér*). Также и один из ётунов создаёт ветер согласно «Речам Вафтруднира»,³⁷. Очевидно, что ветер был важен для повседневной жизни, особенно на острове вроде Исландии, и контроль над ним был важным свойством образа сверхъестественных существ (*Perkins* 2001, 1-10). Другие отсылки, касающиеся Ньёрда, Одина и Фрейра — см. *Perkins* 2001, 16-18, и касательно ётунов — *Motz* 1996, 58.

¹³ От переводчика: перевод дан по английскому подстрочнику автора.

Сага Сага

обсуждения. В древнеисландской поэзии и прозе *hregg* является всеобъемлющим термином для штормов и может включать сильные ветры и дождь, даже снег и град, но ни это слово, ни его комбинации никогда не ассоциируются с громом или молнией (*Cleasby and Gudbrand Vigfusson* 1874, под *hregg*, DONP, под *hregg*. См. *Motz* 1996, 56-57). Единственное другое использование слова *hregg* для описания действий Тора появляется в отдельной висе (*lausavísa*) Стейнун дочери Рева (*Steinunn Refsdóttir*, в одной из рукописей — *Steinunn Dálksdóttir*), в которой изображён Тор, разрушающий корабль христианского миссионера Тангбранда (*Pangbrandr*¹⁴). Ничто не связывает это слово с громом. Зато фраза женщины-скальда о бурях *hristi búss ok beysti / barðs ok laust við jörðu* («встрянул и разбил скот/быка форштевня (т.е. корабль) и ударил оземь», *Steinunn*, 1: 3-4 в будущем издании) [*Skj. BI* 127 стих 1: 3-4]) вызывает мысли о силе ветра и моря — и, через них, Тора, — а не о какой-либо связи с громом. Погода была достаточно значимой в общей характеристике Тора для использования *hregg* без конкретизации близости присутствия грома (выборка текстов, связывающих Тора с другими погодными явлениями — см. *Taggart* 2015, п. 250; *Perkins* 2001, 18-26). Поэтому даже связанные с метеорологией изображения колесниц, как в «Драпе о Торе», могут восприниматься без отсылки к грому и молнии.

Связи на Севере

В следующем разделе будут рассмотрены еще четыре текста для выявления связей между Тором и громом и молнией: «Эдда» Снорри, отдельная виса исландского поэта Тьодольва Арнорссона (*Pjóðólfr Arnórsson*) и работы хронистов Адама Бременского и Саксона Грамматика. В исландских текстах прямые ссылки на Тора, вызывающего гром и молнию, нечасты. Даже в «Эдде» Снорри гром в таком контексте появляется только один раз (помимо отрывка из *Haustlǫng* и его прозаического пересказа), а затем он находится в прозаической версии той же истории. В этом отрывке Снорри сообщает, что до того, как Хрунгнир увидел спешащего к нему разгневанного Тора, *sá hann eldingar ok heyrði þrumur stórar* («он увидел молнии и услышал сильные раскаты грома», «Язык поэзии», 24). Моц оспаривает этот перевод на лексических основаниях, замечая, что *elding* может относиться и к любой другой форме огня, не обязательно к молнии, а *þruma* может быть любым шумом, включая скрежет скал, которые раскалывались в *Haustlǫng* (1996, 56), но появление этих терминов вместе и основное значение слова *elding* как «молния» позволяют предполагать, что Снорри имеет здесь в виду именно гром и молнию.

Хотя это наиболее яркий пример грома и молнии, которые упоминаются в связи с Тором в исландском источнике, он также является единственным в «Эдде» Снорри, что

¹⁴ Приводимая здесь цитата из висы Стейнун Ревсдоттир взята из готовящегося к печати пятого тома *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* с любезного разрешения Р. Д. Фулка (*R. D. Fulk*) и Таррина Уиллса (*Tarrin Wills*) и может отличаться от варианта, который будет опубликован.

вызывает подозрение, что *Haustlong* либо упоминается, либо, чаще, цитируется в большинстве рукописей «Эдды»¹⁵, чтобы обосновать пересказ этой истории самим Снорри. Правдоподобно, что Снорри только следует примеру *Haustlong*, включая в рассказ гром и молнию, хотя, возможно, были и другие исландские версии мифов, не цитируемые в «Эдде», которые способствовали этому мотиву. Поэма (или, по крайней мере, её неполная версия, приведённая в «Эдде») рисует драматическую картину неба, грохочущего и пылающего вслед колеснице Тора, но лишь кратко описывает само сражение, и этот акцент на путешествии, возможно, побудил Снорри включить его, вместе с упоминанием грома и молнии, в свою версию. Обращение Снорри к данному мотиву, однако, гораздо более поверхностно — это не более, чем украшение истории, без какого-либо влияния на её исход, — и любая связь между громом и Тором, которая могла быть создана через прецедент *Haustlong*, была не достаточно сильна, чтобы оставить след в других описаниях данного персонажа Снорри Стурлусоном. Даже рассказ о встрече Тора с существом, называемым Утгарда-Локи, который включает в себя много причин изменений конфигурации естественного мира — создание приливов и перестройку горных хребтов¹⁶, — не содержит и намёка на то, что действия Тора могут также вызвать гром («Видение Гюльви», 45-47).

Этот последний момент имеет решающее значение. Уже во времена Снорри некоторые исландцы вместе с другими скандинавами следовали более широкой европейской тенденции, которая приравнивала Тора к римскому богу Юпитеру, как правило, в учёных или псевдоучёных трудах, таких как переводы с латыни или жития святых, иногда также связывая Тора с громом «по замещению»¹⁷, например, в «Саге о Троянцах» (*Trójumanna saga*, 1963, 3, 5), «Саге о Варлааме и Иосафате» (*Barlaams ok Josaphats saga* 1981, 125-26)¹⁸. Однако эта взаимосвязь, похоже, не влияет на мысль Снорри, даже в его «Прологе», самой сознательно-схоластической части «Эдды»¹⁹. Составитель «Эдды» предлагает несколько суммарных характеристик Тора в «Видении Гюльви» и «Языке поэзии», и они, по-видимому, исчерпывающе перечисляют его

15 *Haustlong* цитируется в прозаическом рассказе Снорри в трёх манускриптах «Эдды»: *Codex Regius*, Утрехтском манускрипте и *Codex Wormianus*; рукопись Уппсалы следует прозаической версии рассказа с замечанием: *Eptir þessi sögu hefir ort Þjóðólfr enn hvinverski í Haustlong* («По этому рассказу Тьодольв из Хвина сочинил *Haustlong*», *Snorri Sturluson* 2012, разд. 35).

16 От переводчика: если под созданием приливов имеется в виду состязание в питье, то что подразумевает автор под перестройкой горных хребтов — не ясно.

17 От переводчика: т.е. в пересказанном тексте вместо имени Зевса/Юпитера ставилось имя Тора.

18 О ненадёжности такой *interpretatio norræna* («северной интерпретации») как руководству по до-христианской религии см. *Lassen* 2011, 95-109.

19 Версия «Пролога» Снорриевой «Эдды» в *Codex Wormianus* (AM 242 fol.) добавляет миф, не найденный в старых рукописях, который идентифицирует Тора с Юпитером. Как и другие, довольно длинные фрагменты библейского и классического материала, встречающиеся в «Прологе» в *Codex Wormianus*, это почти наверняка позднейшие вставки, которые не были неотъемлемой частью «Пролога», как первоначально предполагалось (об этом и латинском изучении «Пролога» более общённо — см. *Faulkes* 1983).

Сага Сага

ассоциации, включая имена членов его семьи (в т.ч. приёмшей и воспитанников), его владения, его роль в мифическом пейзаже и его прошлые деяния («Пролог», 9, «Видение Гюльви», 21, «Язык поэзии», 4); эквивалентные рассказы в «Видении Гюльви» о Фрейре и Одине (разделы 24, 20) связывают их с плодородием и процветанием (Фрейр) и с обязанностями психопомпа (Один). Учитывая задачу «Эдды», заключающуюся в комментировании мифологических аллюзий в древнескандинавской поэзии, отсутствие изображения грома поражает и, вероятно, отражает источники и мнения, существовавшие в современной Снорри Исландии за пределами учёных кругов, а также собственный взгляд Снорри на божество.

В своём изображении Тора *Haustlong* выглядит уникальным случаем на фоне других стихов, включённых Снорри в текст. Только отдельная виса (*lausavísa*) XI века Тьодольва Арнорссона (*Þjóðólfr Arnórsson*²⁰) намекает, что поэма его норвежского тёзки могла иметь параллели в корпусе исландской поэзии. В большей части виса является стилизацией «Драпы о Торе» Эйлива, из которой она взяла образы, тон и сложный стиль, однако виса Тьодольва демонстрирует отклонения от источника в изображении *sía* («расплавленной субстанции» из «Драпы о Торе» 18:4), кидаемой Тором в своего врага в драпе, у Тьодольва этот образ дополнен понятием *hvapteldingar* («молнии рта/челюстей»), т.е. оскорбления, *Þjóðólfr Arnórsson* 2009, 5:3)²¹.

Расплавленное вещество является центральным образом в версии Эйлива, но ни разу поэт не намекнул в «Драпе о Торе», что у него есть какая-то связь с молнией (*Taggart* 2015, 139-42). Весомый долг Тьодольва перед «Драпой о Торе», очевидно, не исключает варианта, что он знал другие представления об этой битве, и что другие версии сохранились. Рассказ об этом Саксона Грамматика, который включает молнии как оружие, будет обсуждаться далее, поскольку Снорри цитирует другую версию в «Языке поэзии», 18, (см. *Skáldsk.*, I 171, примечание 25/27). В то же время, внимательное чтение используемых Тьодольвом кеннингов допускает иные интерпретации:

Varp ór þrætu þorpi
Þórr smiðbelgja stórra
hvapteldingum höldnum

20 От переводчика: Тьодольв Арнорссон (т. е. сын Арнора) родился на севере Исландии и был скальдом сначала конунга Магнуса Доброго (умер в 1047 г.), а потом Харальда Сурового (умер в 1066 г.) Ироническая виса, о которой далее идёт речь, посвящена ссоре кузнеца и кожевенника, и была произнесена по настоянию конунга Харальда Сурового.

21 Список лексики, общей для этих двух произведений включён в *lausavísa* в *Þjóðólfr Arnórsson* 2009. Термин *sía* в основном используется для описания святящихся предметов, особенно расплавленных металлов или угля, который подходит для использования в *Þórsdrápa* и *lausavísa* Тьодольва, где предметы вытаскиваются из кузниц. Предлагаемый здесь перевод отражает его широкий семантический диапазон, который может включать искры и яркие частицы рядом с углями и кузнечным железом (например, *Gylf.* 5, 8, *Skáldsk.* 18, *Þórsdr.* 16, 18, для дальнейших ссылок, см. *Cleasby and Gudbrand Vigfusson* 1874, под *sía*).

hafra kjöts at jötni.

Hljóðgreipum tók húða

hrökkviskafls af afli

gláðr við galdra smiðju

Geirrøðr síu þeiri.

(*Þjóðólfr Arnórsson* 2009, виса 5)

Тор мощных кузнечных звуков (т.е. кузнец) бросил молнии/пламя рта/челюстей (т.е. оскорбления) из его деревушки ругани (т.е. рта) в ётуна мяса коз (т.е. кожевенника). Радостный Гейррёд скребка шкур (т.е. кожевенник) взял грабителями звука (т.е. ушами) этот расплав/искры кузницы заклинаний (т.е. рта, в целом — услышал оскорбления из рта кузнеца) мощно.²².

Оскорбления идентифицируются как метафорическое *sía* из-за их описания к концу висы *síu smiðju galdra* («*sía* кузницы заклинаний», т.е. рта). *Elding* в *hvapteldingar* может быть на самом деле дублированием такого изображения, а не метеорологическим смыслом-молнией: *elding* может также обозначать «расплавленный металл» и даже «топливо», что в большей степени соответствует смыслу с акцентом на кузнеце как главном герое строфы. Тем не менее, термин *elding*, по литературным данным, гораздо более обычен в древнескандинавском языке в качестве «молнии» (для справок см. *Cleasby and Gudbrand Vigfusson* 1874, под *elding*, DONP, под *elding*).ö

Правдоподобное альтернативное предположение состоит в том, что *hvapteldingar* является просто подражанием кеннингу оружия. Кеннинг *blóðs elding* («молния крови», т.е. копьё или меч) отражает тот факт, что преобладающее значение использования *elding* внутри кеннинга — «молния», зачастую как базовое слово в конструкциях для мечей или копья (см., например, *Meissner* 1921, § 76 b-c). Понимание аналогии между оружием и оскорблениями из уст кузнеца здесь также связано с вычурными сравнениями в этой строфе, где Тьодольв сравнивает ссору кузнеца и кожевенника с мифологической битвой бога и ётуна, а также с глумливо-героическим возвышением этих главных героев, которое подразумевается в таком сравнении. Действительно, ничто не противоречит данной интерпретации, отличающейся от образа молнии-оружия в версии истории от Саксона Грамматика, хотя та оформлена совершенно иначе (см. ниже), кроме, возможно, склонности воспринимать упоминание молнии в такой близости к Тору как свидетельство связи между ними, в то время как другие потенциальные свидетельства в значительной степени ненадежны.

С другой стороны, Тьодольв, исландский поэт, возвращавшийся в норвежских

22 От переводчика: перевод с английского подстрочника. Данная виса приводится в «Пряди о дерзком Халли», в переводе Евгения Мироненко она звучит так: «Верг из стана ссоры // Тор мехов кузнечных//краски щёк перуны //в турса мяс козлиных // Хватал клещами слуха// (мяла кожи) — летящие из горна //(рад) проклятий кузни// (Гейррёд) — искры эти».

Сага Сага

культурных кругах и, по-видимому, знающий *Haustlong*, не мог совершенно не знать о связи между Тором и молнией, независимо от значения, придаваемого этой связи в Исландии. Вероятно, здесь следует воспринимать *elding* как продукт искусственного поэтического разума, использующего многозначность, чтобы объединить тройные образы кузнеца, оружия и метателя молний. Конкретный прецедент для такого восприятия имеется позже в строфе с каламбуром с *afl*, где слово может быть прочитано как в значении «силы», так и «очага» (*Þjóðólfr Arnórsson* 2009, 5: 6), и навык Тьодольва в комбинировании модели «Драпы о Торе» с его собственным материалом показывает, как свободно он умеет работать с несколькими слоями смысла.

Кеннинг Тьодольва поднимает вопросы, на которые трудно дать однозначные ответы. Если принят перевод *elding* как «молния», то появляется несоответствие, которое нелегко объяснить, между этой строфой и существующими трудами других исландцев, по крайней мере теми, кто не использует *interpretatio norræna*²³. Это может отражать случайный пережиток древнесеверной поэзии — строфа Тьодольва может намекнуть на потерянный пласт поэзии, соединяющей Тора с молнией, — или, может быть, слово *elding* пришло к поэту другими путями, возможно, во время его пребывания за пределами Исландии.

Утверждение о том, что другие поэты действительно связывали Тора с молнией, делается более достоверным при сравнении с версией параллельного рассказа Саксона Грамматика в «Деяниях Данов» (*Gesta Danorum*) XIII в., которые представляют из себя многослойную адаптацию скандинавского и исландского мифа, легенды и истории. Тор в этом тексте появляется в различных воплощениях, но только в одной истории Саксон разделяет с Тьодольвом использование имени Тора в связи с громом или молнией. В этой версии Торкиль (*Thorkillus*), отражение Тора, отправляется в подземное жилище существа, называемого Геруд (*Geruthus*, *Geirröðr* на древнесеверном), и видит следы битвы этого существа с богом (*Saxo Grammaticus* 2015, I 608-09 (VIII, 14.15)):

Procedentes perfractam scopuli partem nec procul in editiore quodam suggestu senem pertuso corpore discisse rupis plage aduersum residere conspiciunt. Preterea foeminas tres corporeis oneratas strumis ac ueluti dorsi firmitate defectas iunctos occupasse discubitus. Cupientes cognoscere socios Thorkillus, qui probe rerum causas nouerat, docet Thor diuum gigantea quondam inso- lertia lacessitum per obluctantis Geruthi precordia torridam egisse chalybem eademque ulterius lapsa conuulsi montis latera pertudisse. Foeminas uero ui fulminum tactas infracti corporis damno eiusdem numinis attentati poenas pependisse firmabat.

Через пролом в скале они прошли далее, откуда, как раз напротив того места, была

23 От переводчика: «Северная интерпретация», аналог выражения *interpretatio romana*, «римская интерпретация», т.е. отождествление римлянами чужих божеств с римскими. Здесь — отождествление чужих реалий со своим представлением о реалиях древнесеверных.

Сага Сага

отбита часть скалы, ‘увидели сидящего неподалёку на возвышении старика’, чьё тело было пробито насквозь. Кроме того, места за столом рядом с ним занимали три женщины, их тела были покрыты волдырями, а ‘спины, казалось, были лишены всякой опоры’. Товарищам Торкилля стало любопытно, и тот, хорошо зная объяснение всему, что они видели, поведал им, что когда-то очень давно бог Тор, разъярённый высокомерием великанов, пронзил воевавшего с ним Геруда, [метнув в него] раскалённый прут из железа [с такой силой], что прут пролетел сквозь грудь великана и пронзил край скалы. Женщины же были поражены ударами его молний, искупив своими преломлёнными телами свою вину за покушение на его божественное величие²⁴.

Fulmen указывает на удар молнии, подразумевая, что целью здесь является описание самой молнии, а не, скажем, грома, которые на латыни обозначаются *brontea* или *ceraunia* (Lewis and Short 1879, под *fulmen*)²⁵. Этот отрывок практически не имеет себе равных в раннесредневековых и средневековых мифах и изображает Тора использующим это оружие, без единого упоминания о Юпитере. В большинстве случаев, однако, текст Саксона согласуется с другими в этой повествовательной традиции.

Помимо интерпретаций Саксона и Тьодольва, эта история встречается в «Драпе о Торе», «Языке поэзии» (где большинство рукописей цитирует «Драпу о Торе» после прозаического текста Снорри) и в менее знаменитом варианте под названием «Прядь о Торстейне Мощи Хуторов» (*Þorsteins þáttur bæjarmagns*). В четырёх из этих пяти версий, в том числе в адаптации Саксона, Гейррёда пронзили раскалённым предметом: у Саксона это *torridam chalybem*, «раскалённое железо/сталь»; в «Языке поэзии» (глава 18), «Драпе о Торе» (строфа 18: 4) и (образно) в строфе Тьодольва речь идёт о светящемся веществе²⁶, которое извлечено из кузницы. Более того, несколько предметов бросаются в «Пряди о Торстейне Мошь Хуторов», которая, похоже, сохраняет отголоски воспоминаний об этих шипящих орудиях²⁷. Первый, горящая голова тюленя, «что сыпала искрами, словно из кузнечного горна» (*sindraði af svá sem ór afli*), бросается в Гейррёда как часть игры (*Guðni Jónsson* 1954, 332-33). Остальные представляют собой треугольный камень (*hallr*) и стальной шип (*stálbroddr*), которые вызывают пламя и искры (*gneistar*); летящие в Гейррёда, они ударяют ему в глаза и убивают (*Guðni Jónsson* 1954, 326, 339, о свойствах этих предметов см. *Taggart* 2015, 146-52). Расколота скала

24 От переводчика: «Деяния Данов», 8.14.15, здесь и далее перевод А. С. Досаева.

25 Классические авторы выделяли три части грозы: звук, яркость (*fulgur*) и мощь (*fulmen*)— и Саксон мог следовать этой традиции (*Thulin* 1906, 372-76).

26 От переводчика: в русском переводе «Языка поэзии» — раскалённый брусок железа, в оригинале *járnsíu glóandi*.

27 От переводчика: по сюжету пряди человек Торстейн попадает в гости к злому конунгу великанов Гейррёду, выручают его смекалка, друг-великан да волшебные подарки дверга.

Сага Сага

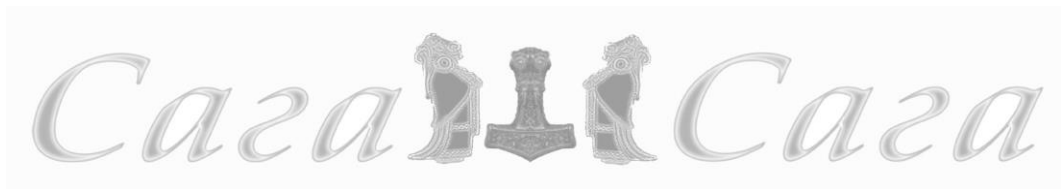
Саксона соответствует горячим предметам, сотрясающим стены палат в «Языке поэзии» (глава 18) и «Пряди о Торстейне Мощь Хуторов» (*Guðni Jónsson* 1954, 333).

Только в описании судьбы женщин текст Саксона значительно отличается. В других текстах, в которых появляются женщины, у них сломаны спины, как и в «Деяниях Данов», хотя в «Языке поэзии» и «Драпе о Торе» женщины, видимо, раздавлены под лавкой, на которой сидел Тор (*Skáldsk. ch. 18, Þórsdr., 15*)²⁸. В записи Саксона, с идентификацией явления *fulmen* как оружия, лавки (сидения, места за столом) и сломанные спины выглядят как инертные реликты другого варианта рассказа, показывая только, что Саксон знал о его существовании.

Поэтому имеются две возможности, ни одна из которых не может пока претендовать на правильность в большей степени, чем другая. Во-первых, Саксон знал две (или более) версии этой истории, в одной из которых используется молния — наряду с другой, в которой молния отсутствует, и попытался скомбинировать их. Метафорическая атака молнией в варианте Тьодольва делает это более правдоподобным, хотя между этими текстами есть несколько различий: в виле Тьодольва фигуральные *eldingar* направлены на фигуру Гейррёда, и ни одна женщина не наблюдается вообще; и Саксон не воспринимает *chalybe*-«железо» как воплощение молнии таким же образом, как Тьодольв трансмутирует своё *sía*. Однако эти различия не так велики, чтобы они не могли стать результатом творческой адаптации авторами своих источникам или развитием устной традиции, стоящей за данными текстами.

Много деталей Саксона и особенно Тьодольва согласуются с «Языком поэзии», «Драпой о Торе» и даже «Прядью о Торстейне Мощи Хуторов», от пронзания скалы и тела Гейррёда (ушей в варианте Тьодольва) до присутствия раскаленного предмета из кузницы, так что вероятно, что Саксон и Тьодольв (или их тесно связанные между собой источники) получили одну очень устойчивую традицию, и оба добавили молнию по разным причинам. В случае Саксона это, скорее всего, является парадигмой римского бога Юпитера: формы легенд и мифов в «Деяниях Данов» могут радикально столкнуться с повторением тех же рассказов, что сохранились в Исландии, но зачастую в виде, вытекающем из латинского образования историографа (см. *Johannesson* 1978, 113-17). В этом случае акцент в латинской литературе на способности Юпитера кидать *fulmen* мог объяснить наличие ударов молнии (см. *Johannesson* 1978, 165, где сделан аналогичный вывод, хоть у автора он и основан на предположении, что Тор был богом грома). Частое отождествление Юпитера и Тора в средневековой учёности прибавляет этому утверждению веса, хотя сам Саксон в книге VI отвергает этот способ *interpretatio romana*, рассуждая о том, что, если Тор — Юпитер, и Один — Меркурий, тогда Один должен быть сыном Тора, что прямо противоречит древнескандинавскому пантеону, каким его знал Саксон (2015, I 380 (VI, 5.4)). Однако возможно, что чувства Саксона по

28 Это также кажется подтекстом в строфе эддической поэмы про инцидент, которая сохранилась только в одном манускрипте of *Skáldskaparmál* (*Snorri Sturluson* 2012, st. 63).

этому вопросу изменились в течении тех, предположительно, двадцати или тридцати лет, которые потребовались, чтобы закончить его труд²⁹, и признание, что божества представляют собой разные традиции, разумеется, не исключает, что Саксон (или его источники) передает атрибуты от одного к другому, будь то для художественных или разъяснительных целей либо же как подсознательный результат влияния *interpretatio romana*.

Нет других отрывков в «Деяниях Данов», потенциально связывающих Тора с громом и молнией, что упоминали бы бога по имени, вместо этого не полагаясь на *interpretatio romana*, что Саксон сам считал некорректным. Среди них Юпитер из книги XIII является более вероятным как подделка под Тора (*Saxo Grammaticus* 2015, II 922-23 (XIII, 5.5)):

Cuius operam ualenter editam consimili probitatis genere emulatus Magnus inter cetera tropheorum suorum insignia inusitati ponderis malleos, quos Iouiales uocabant, apud insularum quandam prisca uirorum religione cultos, in patriam deportandos curauit. Cupiens enim antiquitas tonitruorum causas usitata rerum similitudine comprehendere, malleos, quibus coeli fragores cieri credebat, ingenti ere complexa fuerat, aptissime tante sonoritatis uim fabrilium specie imitandam existimans. Magnus uero, Christiane discipline studio paganam perosus, et phanum cultu et Iouem insignibus spoliare sanctitatis loco habuit.

Эти, совершённые с такой отвагой и энергией, подвиги ‘доставили ему завистника в лице Магнуса, который, желая снискать себе такую же славу’, [тоже отправился в поход]. Среди прочих свидетельств его побед были два огромных и необыкновенно тяжёлых молота, которые, как считалось, принадлежат Юпитеру. Эти молоты, обнаруженные им на одном из островов, где им поклонялись люди, придерживавшиеся древних верований, ‘он решил перевезти к себе на родину’. Как известно, желая понять происхождение грома, люди в древности обращались к похожим явлениям, и, изготовив из меди огромные молоты, которыми, как они верили, учиняется грохот на небесах, они искренне считали, что такое ‘сильное звучание’ лучше всего воспроизводится с помощью именно этих орудий и инструментов. Магнус же, который из-за своего рвения к учению Христа ненавидел язычество, посчитав это благочестивым поступком, лишил святилище предметов поклонения и отнял у Юпитера³⁰ его инсигнии.

Детали этого храма не похожи на другие описания северных религий. Не смотря на отношение Саксона к *interpretatio romana*, которое убеждает Лассе Кристиана Арбо Зонна (*Lasse Christian Arboe Sonne*³¹), что здесь нет божества помимо Юпитера (2013,

29 Обсуждение времени создания *Gesta Danorum* — см. *Saxo Grammaticus* 2015, I xxxiii-xxxv.

30 От переводчика: у автора в английском переводе Фишера везде стоит имя Тора, о причинах чего сказано в следующем абзаце.

31 От переводчика: автор работы *Thor-kult i vikingetiden* (2013).

Сага Сага

171), титул Юпитера остаётся сомнительным — настолько, что Питер Фишер не остановился перед тем, чтобы передать имя Юпитера как имя Тора при переводе отрывка выше. Действительно, мнение Арбо Зонна не может быть принято, независимо от взгляда Саксона на данную тему. В Скандинавии XII века не поклонялись никаким римским богам, и молот не является атрибутом Юпитера. Если рассказ представляет собой нечто большее, чем смесь популярных и учёных побасенок на тему северных традиций, и отражает какую-либо реальность вообще (что не очевидно), речь должна идти о северном божестве³².

Из всех асов Тор наиболее естественным и тесным образом связан с молотом, хотя ни один другой текст не указывает, что его оружие используется именно так. Эта идиосинкразия может быть объяснена акцентированием в этом эпизоде на ритуале — Саксон, возможно, записал детали, не соответствующие мифическим повествованиям или даже сагам, — и, хотя в любой из северных стран не было найдено молотов размера, описанного Саксоном, как указывает Матс Бертелл (*Maths Bertell*), в целом несколько идолов или других предметов личного использования³³ найдено было (2003, 77). Саксон предпочитает экипировать Тора палицей вместо молота (*Saxo Grammaticus* 2015, I 152-53 (III, 2.10)) и обычно идентифицирует божество именно как Тора (*Saxo Grammaticus* 2015, I 90-91 (II, 2.6); 152-53 (III, 2.10); 378-81 (VI, 5.2-5.4); 454-55 (VII, 2.3); 608-09 (VIII, 14.15)), но даже если сам Саксон не признал соответствие между этим Юпитером и Тором, эта связь уже могла быть проведена в имевшихся у него источниках ранее.

Возможно предположение о том, что Юпитер приводимого эпизода является божеством из другой северной традиции, например, саамским Термесом или финским Укко, перенесённым в Швецию иностранными авторами. *Historia Norwegie*, например, описывает саама, устанавливающего барабаноподобный инструмент для ритуального использования во время или вскоре после жизни Саксона (2003, 62; о барабанщиках саами см. далее *Ellis Davidson* 1965, 9, и *Zachrisson* 1991). В качестве альтернативы, эпизод может раскрывать смешение северных обычаев и образов в восприятии внешнего наблюдателя или синкретизм, подобный тому, на который намекает «Перебранка Локи», 24, где Одина обвиняют в том, что он бил в такой инструмент подобно вёльве. Если использовать очевидность молотов как диагностический признак в книге VIII «Деяний Данов» для утверждения, что это идентифицирует Тора с Юпитером и, тем самым, с громом, к этому утверждению нужно добавить несколько предостережений, среди которых не в последнюю очередь созвучие сцены с саамским ритуалом.

32 От переводчика: в издании «Деяний Данов» на русском языке к данному отрывку есть примечание: «По словам Э. С. Пикколомини, из числа прибалтов железному молоту [и солнцу] ещё в XV веке поклонялись литовцы (*De Lituania*, p.238)».

33 От переводчика: видимо, таким заковыристым способом автор описывает многочисленные находки амулетов в виде Молотов Тора.

Сага Сага

Эмиль Доплер (Emil Doepler). Храм Уппсалы, 1905 г.

Несмотря на первоначальную уверенность своего создателя в том, что в его работе *fidelem uetustatis notitiam pollicetur* («нет ничего, что было бы придумано только что, но только то, что сочинили в древности») (Saxo Grammaticus 2015, I 6-7 (*praefatio*, 1.3)), выводы, основанные на «Деяниях Данов», ненадёжны и неизбежно условны. То же самое можно сказать и о умозаключениях Адама Бременского в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» (*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*). Написанный в одиннадцатом веке трактат Адама об истории и географии северной гамбургско-бременской архиепархии описывает храм в Старой Уппсале в Швеции, где кумир Тора сидит на троне, в окружении божеств с именами Водан (предположительно, Один) и Фрикко, что может быть другим именем для Фрейра (Simek 1993, под 'Fricco'; Bertell 2003, 71). Адам представляет Тора (и другие божества) в необычных функциональных терминах (Adam of Bremen 1917, IV 26):

'Thor', inquit, 'praesidet in aere, qui tonitrus et fulmina, ventos ymbresque, serena et fruges gubernat . . .' Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur.

Тор, — говорят шведы, — царит в эфире, управляет громом и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями ... А Тор со своим скипетром напоминает

Сага Сага

Юпитера³⁴.

Адам подтверждает сведения из *Haustlong* и «Деяний Данов» Саксона, напрямую соединяя Тора с громом и молнией (*tonitrus et fulmina*) в неисландской обстановке, и, кроме того, приводя дополнительные возможности в области погоды и плодородия. Эти утверждения заслуживают рассмотрения, наряду со сравнением, которое Адам делает с римским богом Юпитером.

Однако материал Адама о Старой Уппсале спорный, и тому есть основания³⁵. Он впечатляет и шокирует своих зрителей ужасающими и сомнительными подробностями кровавых жертвоприношений людей, собак и лошадей, повешенных в роще, примыкающей к храму, во время которых исполняются нечестивые песнопения (*Adam of Bremen* 1917, IV 27). Различаются оценки правдоподобности его описания строения храма исходя из влияния, в той или иной степени, европейских церквей, римских храмов и латинских риторических парадигм (например, *Graslund* 2000; *Hultgard* 1997; *Sundqvist* 2015, 118-27, 208), вплоть до обвинения в том, что это — полностью литературная конструкция (например, *Arboe Sonne* 2013, 152; *Fuglesang* 2004, 20; *Janson* 2000). Тем не менее, в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» в целом Адам, похоже, следует достоверности, по крайней мере там, где это не противоречит его миссии прославления христианской религии и особенно епархии Гамбургско-Бременских архиепископов — в этих моментах Адам может сильно отклониться от фактов (*Gelting* 2010, 119-22; *Fuglesang* 2004, 18-20).

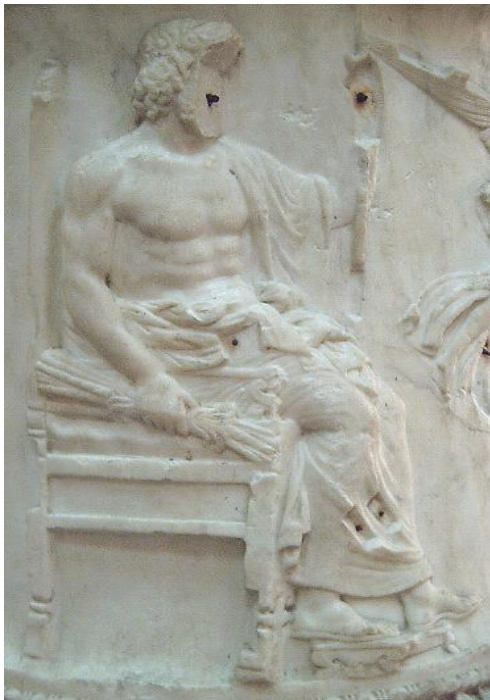
По большому счёту его рассказ о кумирах Водана, Фрикко и Тора является надёжным (см. *Sundqvist* 2015, 121-22), но детали следует рассматривать более осторожно. Адам работал на значительном, фигурально и буквально, расстоянии от Старой Уппсалы.

Двое из его информаторов, Свейнн Астридарсон (*Sveinn Ástriðarson*) и Адальвард (*Adalward*) Младший, могли посещать этот район (*Arboe Sonne* 2013, 155; *Sundqvist* 2015, 121), и Адам ссылается на показания неназванного христианина по конкретному вопросу о жертвах в роще. Любой из этих людей мог сообщить о верованиях, касающихся Тора в Старой Уппсале; упомянутым христианином, возможно, даже был Адальвард (см. *Sundqvist* 2015, 121). Однако Адам часто добросовестно называл своих информаторов, а когда дело доходит до функций Тора, в этом ключевом моменте для моей аргументации, он не отмечает, где он получил свои сведения, и бегло минует идентификацию своих источников.

34 От переводчика: использован русский перевод отрывка И. В. Дьяконова из: Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский «Славянские хроники».

35 Доводы о точности текстов много раз повторялись за прошедшее столетие, для полезного, хотя и скептического перечня дебатов — см. *Arboe Sonne* 2013, 139-71.

Сага Сага

Фрагмент изображения с колонны *El Puteal de la Moncloa*: Юпитер с пучком молний в руке.

В свете такой неопределенности корни концепции Адама о божестве грома и молнии можно искать в другом месте, тем более, что сам историк в конце описания древнескандинавского бога сравнивает своего Тора с классическим прецедентом Юпитера. Юпитер обычно ассоциируется в римской культуре (а затем и в европейской мысли, ею вдохновлённой) с громом, молнией и дождем, функциями, названными для Тора Адамом. Он был почитаем по именован *Jupiter Tonans* («Юпитер Громовой») *Richardson* 1992, под '*Iuppiter Tonans, Aedes*'), *Jupiter Fulgur Fulmen* («Юпитер Молний» (GIL XII 1807) и *Jupiter Pluvia[us]* «Юпитер Посылающий Дождь» (CIL XI 324) в его храмах, и он появляется с молниями в иконографии, как на римской колонне, известной как *El Puteal de la Moncloa* (Национальный археологический музей Испании, 2691). Арбой Зонн (*Arboe Sonne*) указывает на ряд более точных соответствий между Тором Адама и представлением о Юпитере в «Энеиде» Вергилия (2013, 163-69), классической модели, часто используемой в тексте Адама (см. *Adam of Bremen* 1917, lxii-lxiv), в которой римский бог контролирует гром, молнию и другие аспекты погоды (*Virgil* 1973, VIII 426-28; IX 668-71. Про власть Тора над урожаями см. также *Virgil* 1984, III 61; *Arboe Sonne* 2013, 165).

Эти корреляции подчеркиваются заметным положением скипетра в записях Адама. Рассказ может действительно отражать ситуацию в Старой Уппсале — в Скандинавии уже в вендельский период могилы, возможно, содержали скипетры в качестве маркеров

Сага Сага

статуса (их идентификация противоречива: см. *Line* 2007, 394 и ссылки там), и, в более поздние годы, скипетры были связаны с элитарным, часто очень христианским символизмом (например, *Sjöberg* 1983, *Line* 2007, 384, 387). Однако скипетр был бы маловероятным маркером статуса для любого древнескандинавского божества³⁶ и, в частности, для Тора, для которого символом в этом регионе Швеции был молот, по крайней мере, в поздний дохристианский период (см. далее *Sundqvist* 2015, 122). Адам или один из его источников, возможно, неточно определили молот как скипетр, то ли придавая Тору больше царственности, то ли желая сделать изображение более понятным для средневековой аудитории, чьи представления базировались на классической культуре. Однако более вероятно, что этот атрибут был вдохновлен представлением о Юпитере, который часто держит скипетр (например, см. *Lang* 2008, 568-70), и сам Адам понимает возможность *interpretatio romana*, используя скипетр, чтобы провести прямое сравнение между двумя богами.

В качестве непосредственного антропологического свидетельства функций Тора «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» являются нетипичным источником. Действительно, истинная причина несоответствия между рассказом Адама, а также отрывком Саксона о скандинавских последователях Юпитера, и большинством других текстов может состоять в особенностях происхождения эпизодов: Адам может рассказывать подробности, которые были посторонними для мифологического рассказа, но были центральными в других областях почитания Тора (см. *Bertell* 2003, 71). Гром может просто проявляться больше в культовом поклонении Тору, чем в мифологических представлениях о божестве. Нет явного подтверждения этого предположения в ограниченном диапазоне сохранившихся текстов, описывающих культ Тора, таких как саги об исландцах (*Islendingasögur*), хотя это может быть следствием неблагоприятной среды для передачи фактов дохристианской набожности в Скандинавии и Исландии после обращения. Тем не менее, учитывая наличие скипетра и ряда параллелей с Юпитером, особенно с Юпитером Вергилия, историки религии должны относиться к Тору Адама с агностицизмом. Возможно, это изображение бога, включая, помимо прочего, его власть над громом и молнией, более укоренено в классических моделях дохристианской религии, на которых Адам был воспитан, чем в северной традиции. Даже если бы мы могли принять это как точное представление о раннем средневековом шведском культе, следует отметить, что гром и молния не определяют Тора в труде Адама, не больше, чем в *Haustlong*. Адам подаёт гром и молнию наравне с другими явлениями, под общим названием «эфира».

Заключение.

Приведенные выше цитаты являются лучшими образцами потенциальных связей

³⁶ От переводчика: находки амулетов-жезлов сегодня ассоциируются обычно с Одином, чьи хейти включают именование Гёндлир (*Göndlir*, от *gandr*, «колдовской жезл»).

Сага Сага

между Тором и громом и молнией, которые я мог найти, и все же только один из случаев, в *Haustlong*, не может быть оспорен на любом уровне. Тем не менее, значительная часть этой статьи посвящена часто обсуждаемым утверждениям, которые распространены до такой степени, что может показаться косвенно, что будто бы существует сильная связь между богом и рассматриваемыми метеорологическими явлениями даже в Исландии. Такая экстраполяция будет игнорировать многие разнообразные тексты, мифологические ситуации, имена и представления, в которых, если бы существовало соответствие, его можно было бы ожидать, но где оно отсутствует. Рассматривая только область власти, снаряжение и ассоциации, упомянутые в связи с Тором в «Языке поэзии», получаем: *Megingjardar* — «пояс могущества», его рукавицы *Járngrœipr* — «железная рука/хват/пространство между большим и указательным пальцем», *Gríðarvölr* — посох/жезл Грид (*Gríðr*, «Нетерпеливая / Буйная/ Сильная»), его владения *Brúðvangr* — «Поля Силы», и его козлы *Tanngrísniir* и *Tanngnjóstr* — «Скрипящий Зубами» и «Скрежещущий Зубами». Все они в большей степени связаны с силой, чем с громом и молнией, и это верно также в отношении имён членов его семьи и близких знакомых в мифологии (о значении силы в характеристике Тора, см. *Schjødt* 2009, 20; *Taggart* 2015, 65-69; *Taggart* готовящийся к изданию). Некоторые из этимологий *Mjöllnir*, молота Тора, связывают его с молнией, хотя происхождение от древнесеверного *mala/mola* («молоть, измельчать») является одной из наиболее убедительных версий и лучше подходит для мифологического представления об этом оружии как о смертельном и сокрушающем (см. *de Vries* 1977, под ' *Mjöllnir* ', *Simek* 1993, под ' *Mjöllnir* ', *Cleasby u Gudbrand Vigfusson* 1874, под ' *Mjöllnir* '). Насколько я знаю, Мьельнир никогда явно или неявно не представляет грома или молнии в любом из сохранившихся мифов (*Taggart* 2015, 139-77, 180-83, 189-93).

Многие саги о древних временах (*fornaldarsögur*) и саги об исландцах (*islendingasögur*), которые говорят о Торе, делают это без какой-либо связи с громом или молнией вообще, несмотря на то, что часто ссылаются на его контроль над другими элементами погоды. И в поэтической «Эдде», которая, очевидно, является первоочередным современным источником изучения древнескандинавской мифологии, Тор вызывает грохот, хотя он никогда не привязан к грому или молнии (см. далее *Taggart*, готовится к печати); Более, есть только два определенных проявления этих элементов в поэзии «Эдды»: это величественное появления валькирий (ед. *valkyrja*), группы женщин, являющихся проводниками душ (психопомпами) и чаще всего связанных с Одином. А именно «Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга» (*Helgakviða Hundingsbana* I, st. 15: 3-4) и «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга» (*Helgakviða Hundingsbana* II, проза после строфы 18). «Песнь о Хюндле» и «Песнь о Харбарде», обе в разной степени, перечисляют подвиги и ассоциации Тора, но гром и молния не привязаны к богу ни в одной из них, и нет их и в «Речах Гримнира» или в «Речах Вафтруднира», хотя эти поэмы являются энциклопедиями космологии.

Сага Сага

Необходимо признать это подавляющее отсутствие упоминаний в древнесеверной исландской литературе. В значительной части оригинальных текстов, рассматриваемых в данной статье, гром и молния не имеют отношения к характеристике божества. В этих литературных традициях в целом кажется очевидным, что в Скандинавии и Исландии гром в позднейшую эпоху викингов не был ни универсально, ни последовательно связан с Тором, хотя на одной из стадий связь была предположительно сильной, на что указывает имя самого Тора.

Существующие свидетельства рисуют власть бога над громом и молнией совершенно по-разному и с разными намерениями — от божественного управления у Адама и непреднамеренного метеорологического хаоса из-за поездки в колеснице в *Haustlong* до молнии как оружия у Саксона. В двух из этих случаев, *Haustlong* и «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви», гром и молния всего лишь два из самых разнообразных способов воздействия божества на мир. В любом случае это — не привилегированная ассоциация, главенствующая над всеми другими.

Также очевиден из приведенных выше исследований географический раскол в концептуализации Тора; он заключается в различии между зрелищем, окружающим путешествие бога в *Haustlong*, и более поверхностным отношением к грому у Снорри, когда речь идет об одном и том же материале. В скандинавских свидетельствах гром играет гораздо большую роль, чем в исландских, даже позволяя влиять на представления о Юпитере, и эта связь за пределами Исландии, возможно, была более надёжной, нежели мы можем утверждать на основании наших скудных источников. Это также остаётся возможным для Исландии, хотя это менее вероятно, учитывая, что Снорри, похоже, не знал об этом в начале тринадцатого века.

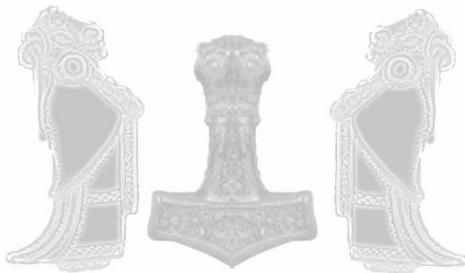
Наиболее логичное и естественное объяснение этого географического различия состоит в контрасте этих двух регионов по климату, как это было предложено ранее Эллис Дэвидсон (*Ellis Davidson*, 1965, 5) и Моц (*Motz*, 1996, 57). Грозы случаются в среднем лишь один или два раза в год в южной и юго-западной части Исландии, и ещё реже на севере (*Markús Á. Einarsson* 1984, 685-86). Напротив, в обширном регионе за пределами Исландии, где рассказывались истории о Торе, гром и молния могут случаться на протяжении шестнадцати дней ежегодно (*Johannessen* 1970, 49). Современные метеорологические условия являются ненадежным руководством по климату прошлого — согласно Тоурдуру Арасону (*Pórður Arason*), нынешнему исследователю Исландского Метеорологического Управления, «невозможно точно говорить о долгосрочных вариациях частоты гроз», поскольку экстраполяцию нельзя делать исходя из короткого шестидесятилетнего периода, в течение которого в стране велось наблюдение над грозами (электронная почта автору, 10 октября 2014 года). Тем не менее, это остаётся лучшим объяснением ситуации и находит подтверждение в отсутствии на острове средневекового фольклора про гром (*Blinkenberg* 1911, 3-4, 93-

Сага Сага

94) ³⁷.

Здесь и в существующих расходящихся представлениях о взаимодействии Тора с громом, характеристика Тора, кажется, отвечает не только требованиям культурной необходимости, но и настойчивым голосам красоты пейзажа и литературных требований.

Примечание. Многие люди были достаточно великодушны, чтобы читать и комментировать эти аргументы за годы, прошедшие с тех пор, как я начал свою кандидатскую, и я надеюсь, что окончательная часть будет представлена на их суд. Я особенно благодарен Стивену Бринку (*Stefan Brink*), Таррину Уиллсу (*Tarrin Wills*), Карен Бек-Педерсен (*Karen Bek-Pedersen*), Ирен Гарсиа Лоскино (*Irene García Losquino*), Аларику Холлу (*Alaric Hall*), Лизе Коллинсон (*Lisa Collinson*), Олову Сундквисту (*Olof Sundqvist*), Питеру Джексону (*Peter Jackson*), Стэну Г. Т. Сканби (*Sten G. T. Skanby*), Блейку Миддлтоу (*Blake Middleton*), Клэр Орган (*Claire Organ*), Дугласу Даттону (*Douglas Dutton*) и Майклу Фросту (*Michael Frost*). Я также благодарен Элисон Финли (*Alison Finlay*) и анонимным рецензентам за их многочисленные конструктивные идеи.

³⁷ Очень благодарен Аларику Холлу за указание, что мотивы вроде волков и деревьев сохранились в исландской литературе, несмотря на их отсутствие в реальном окружении (перс. комментарий). Более подробное изучение этих мотивов могло бы быть полезным в сравнении с исследованиями в этой статье, но пока оно не будет проведено, можно предположить, что волки занимают более важное место в передававшихся историях, и что им не было эквивалентной замены в качестве антагонистов в исландском пейзаже (так же как с исландскими локациями, которые иногда встречаются). Ни волки, ни Тор не были физической реальностью в Исландии, но обе концепции имели культурную значимость для коммуникативной группы, и нет никаких доказательств, что гром имел такую же.

Сага А Сага

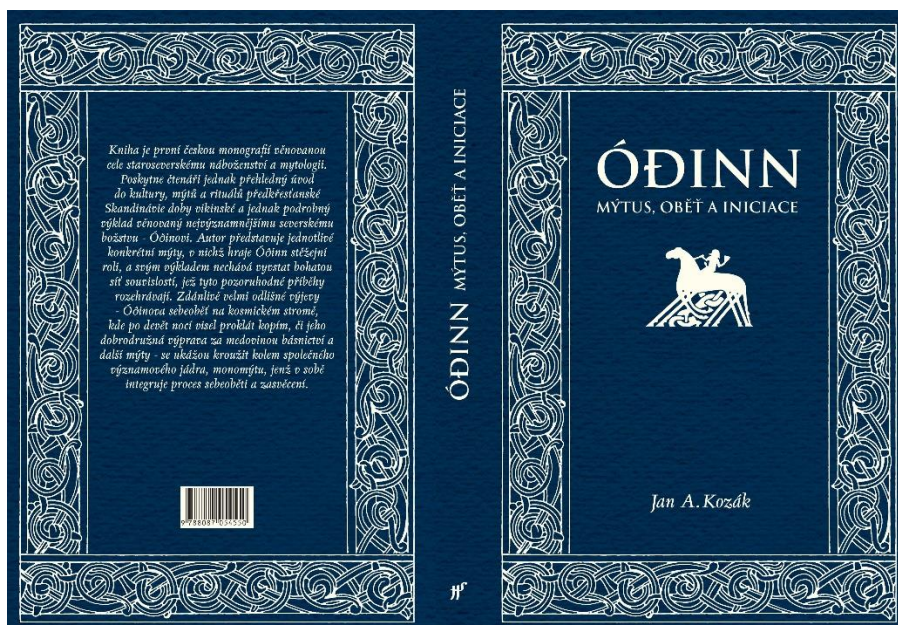
**Ян Козак: Один. Миф, Жертвоприношение и Инициация.
Авторский синопсис книги.**

(Jan Kozák: Óðinn. Myth, Sacrifice, and Initiation¹)

Перевод с английского Н.Тончий (Tradis)

Монография о древнескандинавском божестве Одине.

Книга разделена на пять основных глав. Первая глава (1) начинается с обобщения культурного и исторического контекста эпохи викингов и раннего скандинавского средневековья и дает читателю обзор древнескандинавской религии и мифологии. Затем следует подробное описание Одина (2), которое основано на первичных источниках и обеспечивает систематическое представление особенностей и функций божества. За этим описанием следует наиболее подробный раздел монографии, который представляет собой анализ четырех наиболее известных мифов, связанных с Одином. В этих историях божество подвергается сложному испытанию и ведёт поиски и получает мифический Мёд, который является символом знания и вдохновения (3). Эти четыре мифа анализируются автором, и постулируется их общее структурное ядро, которое объясняет их сходство и различие посредством структурной схемы посвящения и жертвоприношения (4). Это положение затем используется, чтобы пролить свет как на фигуру древнескандинавского божества, с одной стороны, так и на основную связь между структурой посвящения и жертвоприношения с другой (5).

Обложка книги Jan Kozák: Óðinn. Myth, Sacrifice, and Initiation

¹ Jan A. Kozák, *Óðinn mýtus, oběť a iniciace*, Herrmann & synové, Praha 2017.

(1) Древнескандинавская культура и религия

Наши знания о древнескандинавской религии основаны на различных источниках, свидетельствующих о культуре эпохи викингов (793-1066 гг.) и последующего периода скандинавского средневековья.

Первым общим типом источников являются материальные источники. Они включают в себя такие предметы, как votive дары, принесённые в жертву предметы в болотах, клады монет, наборы оружия и ювелирных изделий, курганы или могилы, остатки палат и потенциальных священных мест и ряд других категорий объектов. Основная сложность в работе с источниками этого типа — отсутствие определённости в отношении культового характера большинства объектов, которые культовыми считаются. Например, некоторые из сохранившихся статуэток могут быть культовыми или могут быть просто фигурками настольных игр (или и тем, и другим, если игра культовая).

Второй общий тип источников — это эпиграфические материалы, т.е. рунические надписи, которые можно найти и на мобильных объектах (оружии, инструментах, деревянных предметах или объектах из кости), и на каменных монументах. Более древние надписи, написанные на Старшем Футарке, в основном содержат указания на собственника и автора, тогда как более поздние каменные надписи на Младшем Футарке в большей степени мемориальные. Есть небольшое количество как более древних, так и более поздних надписей, которые имеют либо магическую цель, либо содержат упоминание богов или культа.

Третий общий тип источников — литературные источники. У нас есть тексты, написанные иностранцами (средневековые летописцы, писавшие на латыни, арабские и еврейские купцы, писавшие на арабском), а также народные тексты, написанные на древнесеверном языке. Большинство литературных источников были написаны или, по крайней мере, записаны после обращения скандинавских стран в христианство писателями, воспитанными в христианской среде, что означает, что они также в некотором смысле являются «иностранными отчётами» о древнесеверной религии. Единственное надёжное исключение из этого — языческие скальдические стихи, которые могут быть датированы с некоторой определенностью дохристианской эпохой. Эддические поэмы, содержащие большинство мифологических повествований, основаны на языческой традиции, но даты и контексты композиций отдельных поэм всё ещё обсуждаются — некоторые из них кажутся довольно древними, а некоторые могут относиться к постязыческой эпохе. Основными прозаическими источниками для мифа и ритуала являются, с одной стороны, Снорриева «Эдда», учёный труд по мифологии и поэзии исландского ученого Снорри Стурлусона (1179-1241 гг.), а с другой — большой корпус саг, в основном *fornaldarsögur* (саги о древних временах), содержащих мифологические и героические мотивы, а также саги об исландцах и королевские саги, содержащие информацию о культе. Некоторые детали культа и обычаев могут быть также вычленены из самых старых юридических документов — законов из Норвегии (*Frostapingslög*, *Gulapingslög*) и Исландии (книга законов *Grágás*).

Исходя из этих источников, мы можем представить обзор древнескандинавской космогонии, космологии, пантеона и верований, распространенных в дохристианские времена. Необходимо решить одну основную проблему перед таким обобщающим обзором: учесть тот факт, что не было центральной власти для кодификации религиозных убеждений, и что мифы и

Сага Сага

ритуалы различаются по форме и содержанию во времени и пространстве. Противоречивые версии мифов и культов существовали бок о бок, и мы обычно синтезировали из них один общий канон, который скрывает факт живой множественности.

«Эдды» предоставляют нам космогонические мифы, в которых предки богов и их антагонисты, гиганты, связаны с изначальной коровой, которая либо даёт им существование, либо питает их. Первые боги убивают первого гиганта, и из его тела они создают космос. Космическое древо функционирует как *axis mundi* (Мировая Ось), а три его корня соединяют три отдельные сферы. В начале космической истории две группы богов (асы-*Æsir* и ваны-*Vanir*) находятся в конфликте. Эта война заканчивается перемирием, некоторые из ванов присоединяются асам, и таким образом формируется пантеон. Боги сначала создают расу карликов, а затем первых людей из деревьев. Космология неопределённо-концентрична, с богами, живущими в центральном небесном чертоге, людьми в «срединном мире» и гигантами за пределами человеческого мира.

Боги делятся на две группы — асы и ваны. Асы, как правило, связаны с войной, суверенитетом, законом, контролем и «мужской» властью, а ваны с плодородием, сексуальностью и магией. Самые выдающиеся боги асов — это Один (буквально «Ярость», поэзия, знание, война, борьба, смерть, магия, бог элит), Фригг (его супруга, знание, брак), Тор (буквально «Гром», бог единоборств, защита, покровительство, дожди и погода, бог простого народа), Тюр (буквально «Небо», война, отвага, закон), Идунн (богиня молодости), Бальдр (сын Одина и Фригг, трагически умирает). Некоторые из богов присутствуют в мифах (Хеймдалль, буквально «Мировое Древо», страж мироздания), но не имели культа, в то время как некоторые другие имели широко распространённый культ (Улль), но у нас нет никаких мифов о них. Известные боги из числа ванов — Ньёрд (море), Фрейр («Господин», плодородие, сексуальность) и его сестра-близнец Фрейя («Госпожа», сексуальность, знание, магия, смерть). Чрезвычайно важную роль в мифах играет бог-трикстер Локи, который не имел какого-либо культа. Отпрыски Локи бывают двух видов: с одной стороны — Слейпнир, лучший из коней; а с другой — три чудовища, роль которых — ограничивать мир: Хель, правительница Подземного мира, Мировой Змей, окружающий кольцом космос, и всепожирающий волк Фенрир, который свяжет и разорвёт свои узы при наступлении Рагнарёка, в конце нынешнего эона.

У нас гораздо меньше информации о культе, чем о мифологии. Культовые статуи и здания были построены из дерева и не сохранились, даже в виде остатков, до нашего времени, поэтому мы должны использовать литературные источники и археологические реконструкции. Было несколько типов храмоподобных зданий, например *høgr*, изначальное куча камней, которая впоследствии была интегрирована в крытое пространство, которое было связано с женскими божествами, тогда как *hof* являлся наиболее обычной формой культового здания в западной Скандинавии. Это были длинные палаты, используемые для пиров и священных праздников, но иногда также для обычных общественных мероприятий без какого-либо явного священного элемента. Жертвоприношения животных совершались на алтаре, и за ними следовал ритуальный пир, подобно жертвенной практике, известной по классической Греции или Риму. Божества обычно представляли деревянные кумиры или столбы, но также были не-иконические или символические изображения. Жрецы и жрицы (*godar* и

Сага Сага

gudjur) совершали сакральные действия и проводили обряд, но не составляли особую касту или сообщество (в отличие от кельтских друидов или индийских брахманов). Практика посвящения подтверждается только неясными намеками и литературными мотивами в сагах о древних временах.

(2) Один

Один, главная фигура этой книги, является главой древнескандинавского пантеона, по крайней мере, когда его наблюдают сквозь объектив скальдического и эддического корпуса текстов и трудов Снорри. В политеистических системах правящие мирозданием сущности обычно воспринимаются и концептуализируются как личности или существа, а не как безличные принципы, типичные для нашего общества (законы природы, такие понятия, как «гены», «естественный отбор», «инфляция» в экономике и т. д.). Персонифицированная природа священных существ делает изображения, связанные с ними, очень эффективными в связи с воплощенной природой человеческой психики. Атрибуты божеств, а также их генеалогические отношения следует понимать не как конкретные литературные или псевдоисторические факты, а как метафорические символические выражения, которые кодируют суть культурной символической системы в максимальной степени. Точно так же мифологические рассказы — это не просто «истории», а символические выражения всеобъемлющего и концентрированного характера.

В случае с Одним божество характеризуется своими символическими чертами и тем, чем бог владеет (одноглазый, старость, копьё Гуннир, кольцо Драупнир, восьминогий конь Слейпнир, вороны Хугин и Мунир, волки Гери и Фреки и т. д.), своей генеалогией (Один как один из первых богов, отец большей части асов, побратим Локи и т. д.), своей ролью в космогонии, эсхатологии и других мифах. После обзора всех этих символических характеристик второй шаг — найти наш собственный этический порядок в материале, то есть попытаться определить функции Одина.

Я предлагаю рабочее разбиение на три основные функции, однако функции не разделённые, а скорее представляющие собой и континуум, и сложную сеть:

I. Функция основания и скрепления целого — Один как бог центра (Асгард) и периферии (замаскированный странник); бог начала (убийца Имира и создатель мира) и бог, который умирает в конце эоны (Рагнарёк); бог-создатель людей и основатель королевских и героических родов; покровитель конунгов и ярлов.

II. Функция войны — Один является вдохновителем раздоров и конфликтов, покровителем войн, военного безумия; богом воинских дружин, вождей и их свиты (*drótt, comitatus*), берсерков и ульвхеднаров-*úlfhednar*. Он принимает достойных павших воинов, он господин военной магии и военной судьбы; бог войны и животных-падальщиков, таких как вороны, орлы и волки.

III. Функция поэзии и магии — Один, как поэт и маг, обладающий властью слова, могуществом речи, рун, песен и заклинаний; бог безумия в смысле вдохновения, атипичного состояния ума; бог скрытого знания; бог некромантии; бог иллюзии, масок и инициативных трансформаций.

Одной из всеобъемлющих характеристик Одина является его амбивалентность на многих уровнях — например, он не является ни простым и правильным, подобно Тору, ни полным обманщиком и злодеем, как Локи, но находится где-то между этими крайностями. Подобно Тору, он тот, кто защищает

мировой порядок против своих противников, но подобно Локи, он делает это, используя хитрость и обман.

(3) Миф о принесении себя в жертву и поиске Мёда.

Существует четыре основных мифа, описывающих процесс, которым Один постоянно увеличивает свои силу и доступ к знаниям, т.е. мифа, которые можно охарактеризовать как «посвящения». Первые два из этих четырёх мифов встречаются в эддической поэме «Речи Высокого» (*Hávamál*) и первоначально анализируются совместно, как из-за их близости в поэтическом источнике, так и из-за их внешне отмечаемого несходства.

Согласно первому описанию («Речи Высокого» 138-141), Один висит в течение девяти ночей на Мировом Древе в состоянии бездействия и лишений, и после этого испытания ему разрешено получить Священный Мёд. Согласно второму описанию («Речи Высокого» 104-110, «Язык поэзии» VI), Один проходит через длинное и красочное приключение со многими эпизодами, в течение которого он несколько раз меняет свою форму и встречает различных персон. Используя свою хитрость и способность изменяться, в конце он добывает тот же Священный Мёд.

Оба мифа имеют три основные общие черты: рамочной установкой является трудное испытание героя; главный герой — высший бог Один; и приобретённое сокровище — мёд поэзии. Во всех остальных отношениях две истории кажутся совершенно несравнимыми: первая — это статическое видение, эзотерический опыт самопожертвования, а вторая — динамичное красочное приключение, напоминающее сказку.

Я предлагаю эти два мифа рассматривать как два аспекта одного и того же процесса, причем две истории являются необходимыми дополнениями друг друга. Ключом к этому толкованию является концепция «путешествующей души», широко известная в древнескандинавской культуре и представленная Снорри Стурлусоном в «Саге об Инглингах», VII («Один мог менять свое обличье. Тогда его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей»). Хотя миф об само-повешении соответствует пассивной («будто спал или умер») стороне процесса, миф о поисках Мёда соответствует активной стороне («а в это время он был птицей и т. д.»), структурная взаимосвязь между двумя повествованиями имеет своеобразный характер, соответствующий *внутренним* и *внешним* аспектам ритуального опыта и нескольким другим бинарным концепциям, которые, как показано, представлены как уже установленные эмические² категории древнескандинавской культуры. Таким образом, самоповешение Одина соответствует фактическому уровню ритуала инициации, тогда как экстравагантные приключения и метаморфозы Одина соответствуют экстатической точке зрения, которую испытывает иницируемый внутренне.

Для любого такого разделения одного процесса на два дополнительных мифических повествования я предлагаю термин *Стереомиф*.

² Относящийся к описанию поведения и мировоззрения представителей тех или иных культур и сообществ с точки зрения человека, принадлежащего к ним (в противовес точке зрения из вне).

(4) Жертва глаза и возвращение головы Мимира.

Два ранее проанализированных мифа дополняются двумя другими повествованиями, которые имеют одну и ту же основную иницирующую структуру — историю Одина, который получает постоянный доступ к источнику нуминозного³ знания и вдохновения. Этот источник знаний представлен как Священный Мёд или Руны, либо как и то, и другое в трех мифах. В четвертом мифе источник представлен немёртвой головой Мимира.

Все четыре мифа представляют собой некий обмен между этим и Иным миром, последний является как неизвестным, так и опасным местом, и местом, где Нуминозный Источник сокрыт или хранится в течение некоторого времени. В этом отношении обмен может быть описан как связь через границу между двумя мирами, и он имеет сходство как с процессом посвящения, так и с жертвоприношением.

Процесс жертвоприношения состоит в том, чтобы отправить жертву в Иной мир, получив взамен объект или благословение. Жертва символически связана с действующим человеком в том смысле, что она представляет его/её и убивается в его/её пользу.

Процесс посвящения похож на жертвоприношение в том смысле, что здесь что-то также отправляется в Иной мир, и что-то обретается взамен, но это «что-то» является действующим лицом. Действующий символически убивается и отправляется в Иной мир, где он получает благословение, а затем возвращается из Иного мира, принося благословение в его/её возродённой личности. Символическое убийство представлено раной или потерей малой части тела.

Таким образом, в обоих случаях действующих персон убийство обходит стороной — в случае жертвы его избегают, убивая животное вместо человека, а в случае инициации действующие личности остаются на своей позиции, но само убийство является чисто символическим. Тем не менее, мы можем видеть нереализуемую парадигму в основе — парадигму персон, приносящих в жертву себя и, таким образом, переживающих процесс возрождения и посвящения полностью. Это невозможно в жизни, но это возможно в мифе. Миф может выразить эту основу, из которого извлекаются как жертва, так и инициация в полной форме — как это видно в случае принесения себя в жертву Одинем на Космическом Древе.

Если мы сравним четыре мифа с этой точки зрения, мы получим:

Глаз Одина: герой иницирован, но инициация имеет форму *do-ut-des*⁴ жертвоприношения. Шрам от инициации на лице.

Повешение Одина: инициация и жертва полностью интегрированы в один процесс. Шрам от инициации сбоку.

Поиски Мёда: Мудрый человек (Квасир) убит/принесён в жертву, но объект возврата (его кровь, мёд) хранится в Потустороннем мире. Один подвергается инициации, благодаря которой жертвенный процесс также завершается, и возвращает Мёд (внутри собственного тела) обратно в этот мир.

Голова Мимира: Мудрый человек (Мимир) убит/принесён в жертву, а объект обмена (голова) возвращается в этот мир.

Мы можем видеть четыре структурных варианта, вращающихся вокруг одного и того же семантического ядра, созданного из преобразующих игр на

³ Сакрального в его устрашающем и таинственном аспекте.

⁴ Латинская формула *do-ut-des* — даю, чтобы дал.

Сага Сага

образцах жертвоприношения и посвящения. Полная интеграция обоих паттернов (которую я называю *Мономифом*) наиболее ярко выражается мифом о повешении Одина, в то время как миф о поиске мёда — это случай, когда оба шаблона существуют бок о бок.

Заключение

Анализ четырех мифов даёт представление о фигуре древнескандинавского бога Одина с точки зрения применения образца посвящения и жертвоприношения к четырём важным мифам, которые характеризуют его как покровителя священного знания и вдохновения. Хотя анализ выявляет определенные специфические темы, свойственные именно данному божеству, аналогичный анализ также жизнеспособен для большинства других северных мифов, где протагонист повествования общается с Иным миром (что имеет место почти во всех скандинавских мифах, за исключением некоторых космогонических мифов, в которых оппозиция двух миров еще не установлена). Паттерны посвящения и жертвы — это всего лишь две конкретные идеи одной общей мономифической структуры, которая представляет собой синтез всех возможных вариантов базового обмена между этим миром и другим миром. Такое систематизированное размышление о возможных моделях коммуникации между бинарными мифическими областями может оказаться полезным инструментом для интерпретации мифов.

Графика Ирины Назаренк

II. Северная Традиция: истоки Рагнарёк как космогония (*Ragnarök as a cosmogony*)

Автор — Ян Козак (*Jan A. Kozák, PhD*).
Кафедра философии и религиоведения
Факультет искусств
Карлов университет в Праге
Перевод с английского⁵ Н. Тончий (*Tradis*)

Уважаемые коллеги,

Я хотел бы сегодня поговорить о древнескандинавском Рагнарёке с точки зрения исследователя в области религиоведения. Я постараюсь предложить новую перспективу по этой теме, и я надеюсь, что вы найдете предлагаемые интерпретации достаточно провокационными, чтобы они вдохновили вас на дебаты.

0.0 Структура.

Беседа будет состоять примерно из трёх частей, которые, как я надеюсь, будут объединены в конце: сначала я рассматриваю звуковой мотив начала и конца, затем структурное сравнение ON⁶ космогонических и эсхатологических мотивов, и, наконец, я попытаюсь найти место предложенной интерпретации в рамках уже существующих и показать, что она подразумевает.

0.1 Контекст, источники, тема

Прежде чем начать, я должен сделать краткий экскурс в исторический контекст и природу источников, исключительно хорошего тона ради: как вы, наверное, знаете, наши сведения про ON мифологию основаны на стихах и прозаических произведениях, записанных в Исландии через двести или более лет после христианизации, которая происходила около тысячного года нашей эры. Большинство эддических и скальдических стихотворений были составлены и передавались устно иногда за сотни лет до их записи, тем не менее, точная датировка (особенно) эддических стихов все ещё является предметом дискуссии.

Одной из выдающихся тем ON мифологии является *Ragnarök*, эсхатологическая битва богов против монстров и великанов, за которой следует начало нового космоса. Название *ragnarök* можно перевести как «участь могучих», но менее распространенный вариант названия, *ragnarökr*, означает «сумерки могучих», что в настоящее время стало любимым переводом в популярной культуре.

1.0 Звук — шофар⁷.

Я начну с отрывка, который изначально меня вдохновил на данную статью. Отрывок этот является психоаналитической интерпретацией звука шофара. Цитирую по книге Славоя Жижека «Неделимый остаток⁸»:

«В классическом эссе 1920-х годов Теодор Рейк (*Theodor Reik*) обратил внимание на болезненно низкое и непрерывное звучание шофара, рога,

⁵ Примечания к тексту выполнены при переводе.

⁶ Old Norse, древнесеверный.

⁷ Духовой музыкальный инструмент из бараньего рога.

⁸ Slavoj Žižek, *The Indivisible Remainder*.

используемого в вечернем ритуале Йом-Киппур⁹, который знаменует собой конец дня медитаций. Рейк связывает звук шофара с фрейдистской проблематикой изначального преступления отцеубийства (из «Тотем и Табу»¹⁰): он интерпретирует ужасающий пафосный и тяжёлый гул шофара, который вызывает странную смесь боли и наслаждения, как последний след жизненной субстанции примордиального¹¹ отца, как бесконечно долгий крик страдающего-умирающего-бессильного отца.

Эти фрейдисты, они совсем не милые!

1.1 Звук — древнесеверный.

Тем не менее, это тенденциозное из-за своей фрейдистской ограниченности наблюдение указывает на мотив величественного или ужасающего звука и связывает его с космогоническим жертвоприношением. Когда я прочитал этот отрывок, я вспомнил несколько несвязанных фактов, вроде того, что во время классического греческого жертвоприношения животных в момент убийства жертвы присутствующими издавался коллективный крик, который может быть дополнен тем фактом, что каждое животное обретает голос в момент своей насильственной смерти (то есть животное обычно кричит или стонет, когда его убивают). Затем я обратился собственно к древнескандинавской мифологии и стал искать мотив могучего звука в контексте космогонического и эсхатологического убийства.

В случае эсхатологии результат не заставил себя долго ждать, потому что описание *ragnarök* в знаменитой эддической поэме «Прорицание вёльвы» (*Völuspá*) наполнено изображением странных звуков: зловещие петухи кричат, чудовищные волки ревут, бог Хеймдалль дует в свой могучий рог, и мировое дерево Иггдрасиль само испускает крик: *Skelfr yggdrasils askr standandi, ymr íþ aldna tré* (*Völuspá*, 47), «ясень Иггдрасиль дрожит, стоя, шумит старое дерево». Здесь глагол, описывающий звук — это *umja*, «плакать, выть, кричать, звучать, шуметь». Этот глагол возвращает нас к космогонии. Согласно эддическим стихам и Снорриевой «Эдде», вначале существовало гигантское существо, называемое Имир (*Ymir*), которое было

9 Йом-Киппур — день Испуления или Судный день в традиции иудаизма, один из основных праздников, завершающий десять дней покаяния, во время которых, как считается, определяется судьба человека на год вперёд (эти десять дней отсчитываются от Рош Ашана — иудейского Нового года). Сопровождается постом и молитвами.

10 Книга Зигмунда Фрейда.

11 Примордиальный (к лат. *primordialis* — первоначальный, изначальный) — первичный, первый в том или ином отношении.

Сага Сага

прародителем расы ётунов (*jötnar*, обычно переводится как «великаны»). Его убил бог Один и его два брата, божественная триада, и убийство или жертвоприношение Имира стало началом упорядоченного космоса, потому что части вселенной, такие как горы, моря, облака и т. д., были созданы из частей его тела. В нём оказалось так много крови, что пролитие её вызвало наводнение, которое уничтожило почти всех великанов, за исключением того, который выжил, используя странный предмет, что будет рассмотрен позже.

Сегодня имя Имир-*Ymir* имеет хорошо известную этимологию от индоевропейского корня *ym-* со значением «близнец» (надеюсь, что это не изменилось, пока я не следил за вопросом). Однако с народной точки зрения эта («близнецная») этимология не прозрачна. Очевидные соотношения в древнескандинавском языке дают нам чёткую связь имени Имира с вышеупомянутым глаголом *ymja*, «плакать, вопить», поэтому для носителей культуры название явно означает нечто вроде «Крикун, Ревун, Плакса». Эмическая¹² справедливость этой семантической этимологии (используя термин, введённый в оборот Йоханнесом Бронкхорстом (*Johannes Bronkhorst*)) ещё раз иллюстрируется тем фактом, что у Имира есть несколько других имён-обозначений (называемых *heiti* на ON), которые ассоциируют его с той же самой идеей крика или воя (например, название *Brimir*, что означает «Ревун», и другие). Трудно сказать, каков был точный смысл рёва или крика, связанных с этим изначальным существом, была ли причина в предсмертном крике или в том, что океаны крови, вырывающиеся из его вен, ревели, но тесная связь могучего звука с примордиальной жертвой ясна.

Эта интересная ассоциация мотивов связывает начало мира с его концом, но связь этих двух точек мифического времени не является чем-то новым сама по себе. Идея о том, что конец — это неким образом повторение начала, была даже явно выражена автором древнесеверной поэмы «Прорицание вёльвы», где сходные описания и похожие стихи повторяются в начале поэмы, а затем — в рассказе о новом начале мира после Рагнарёка.

*Sér hon upp koma öðru sinni
jörð ór ægi iðjagræna.*

Видит она: вздымается снова
из моря земля, зеленея, как прежде¹³.
(*Völuspá*, 59)

Таким образом, существует общее и расплывчатое представление о повторении, о конце, за которым следует новое начало. Я хотел бы показать, что есть гораздо большее, нежели базовая идея цикла, но что начало и конец древнесеверного мифологического века имеют очень похожую структуру. Итак, давайте рассмотрим это.

2.0 Последовательность

¹² Эмический — относящийся к описанию поведения и мировоззрения представителей тех или иных культур и сообществ с точки зрения человека, принадлежащего к ним.

¹³ Здесь и далее перевод с исландского А.И. Корсуна.

Согласно рассказу Снорри и «Прорицанию вёльвы», в начале был огромный разрыв или пропасть, называемая *ginnunga gap*¹⁴, этот промежуток зиял между двумя крайностями — огнём и льдом, а затем появился изначальный великан Имир, который позже был убит первыми богами, божественной триадой, и его кровь вызвала космический катаклизм, потоп, который погубил всех великанов, кроме неких Бергельмира и его жены, что пережили потоп в или на чём-то, называемом *líðr* в древнесеверном языке. *Líðr* может означать несколько вещей, таких как «духовой инструмент, род трубы» (первоначально сделанный из выдолбленного дерева) или «ларь для муки» (точнее, деревянное вместилище, используемое для сбора муки на мельнице). Общим знаменателем для этих различных конкретных инструментов является принцип полого дерева или полого древесного ствола.

Теперь давайте перейдем к концу времён. Тогда, при начале Рагнарёка, вселенная начинает распадаться, и распадается все связи и узы, что приводит к освобождению представителей разрушения, в том числе космического Волка, который, согласно Снорри, «наступает с разверстой пастью: верхняя челюсть до неба, нижняя — до земли. Было бы место, он и шире бы разинул пасть»¹⁵.

Затем начинается заключительная битва, в которой погибают все главные боги, божественная триада, силы разрушения, и мир сначала оказывается выжжен пламенем, а затем наступает наводнение¹⁶, которое убивает всех людей, за исключением одного Ливтрасира (*Lifþrasir*) и его жены Лив (*Lif*), которые переживут потоп, спрятавшись в *Hoddmímisholt*, Роще/Дереву¹⁷ Ходдмимира. Мы мало знаем об этом странном месте, слово «дерево» является амбивалентным, то же самое относится к оригинальному древнесеверному языку, в котором слово *holt* могло означать как одно дерево, один кусок дерева, так и целый лес, но мне кажется гораздо более вероятным, что предполагаемый образ являлся одним полым стволом дерева (или, каким-то образом, самим Мировым Деревом, потому что одно из его имён, *Mímameiðr*¹⁸, связывает его с *Hoddmímir*¹⁹), однако оно может быть похоже и на предмет, используемый Бергельмиром во время первого потопа.

Теперь мы видим всю схему, состоящую из серии символических образов:

1) сперва мы имеем гигантскую пропасть, зияющая между двумя крайностями;

14 «Великий/священный/исполненный магии разрыв/провал/пустое место/зев». Любопытно, что глагол *gapa* — «разевать» — используется при описании Фенрира в Рагнарёк: *en Fenrisúlfr ferr með gapandi tunn* («а Фенрир Волк движется с разинутой пастью»), см. также следующую абзац статьи).

15 «Видение Гюльви», 51. Здесь и далее перевод с исландского О.А.Сминицкой.

16 Описание завершающего Рагнарёк потопа относится к «Прорицанию вёльвы», 64: «Солнце померкло, земля тонет в море...». Однако далее в той же строфе упоминается пожар («пламя бушует питателя жизни»), словно две катастрофы одновременны.

17 Автор пользуется английской версией перевода слова *holt* как *wood* (лес, дерево), с чем связаны его дальнейшие рассуждения. Строго говоря, в «Древнеисландском словаре» Клизби и Вигфуссона для этого слова есть уточнение: *wood, copsewood, a coppice; but this sense is almost obsolete, though it remains in the saying, opt er í holti heyrandi nær, in a holt a hearer is nigh, answering to the Engl. leaves have ears*. Т.е. смысл всё же скорее «лес, роща, перелесок». Сейчас в исландском языке слово служит устаревшим обозначением леса, но обычно обозначает «каменистый холм, каменистую неровную землю», видимо, значение изменилось после исчезновения на острове лесов. Тем не менее, отождествление Роши Сокровища/Святынища (*Hodd*) Мимира (см. примечание ниже) и Древа Мимира напрашивается.

18 С древнесеверного — «Балка/Шест/Столб Мимира».

19 *Hodd* — поэтическое «сокровище, клад» и, второе его значение, «святынище, священное место, храм» на ON.

2) вторым происходит космическое убийство представителя предыдущего господствующего порядка;

3) третье: где-то близко к моменту убийства, до или во время него, мы слышим могучий звук, будь то крик, вой или рев;

4) четвертое: затем наступает потоп, который убивает всех остальных представителей предыдущего господствующего порядка, за исключением одной пары;

5) пятое: последняя пара переживает наводнение или общее разрушение, укрытая в пустотелом стволе дерева.

Что интересно в этой последовательности, так это то, что изменения касаются «представителей доминирующего порядка»: как в предыдущую эпоху это был Имир и его великанские порождения, так в мифологической современности — это боги и их человеческие потомки и последователи. Структурно события параллельны, но изображаются по-разному, поскольку сцена описывается с точки зрения богов и их почитателей-людей. Так, правители предыдущей эпохи стали великанами и монстрами, потому что они противники правителей эпохи нынешней. Таким образом, истории подобны, только в первом случае их видят глазами победителей, а во втором случае — глазами проигравших. Тем самым мы приходим к интерпретации Рагнарёка как к тому же процессу, что и Творение, только рассматриваемому с противоположной, дополняющей, точки зрения.

Эта интерпретация объясняет также известный факт, что во время героического последнего противостояния в Рагнарёк двое из богов выполняют действия, которые имеют свои сравнительные параллели в индийской или месопотамской космогонии, а не в эсхатологии. Девять шагов Тора²⁰ и разрывание Видаром²¹ распахнутых челюстей Волка обычно сравниваются с тремя шагами Вишну или расчленением Мардуком Тиамат на две половины. Два бога, «Разрывающий» и «Девятишаговый», выполняют эти акты Творения потому, что в этот момент это целиком и полностью Космогония²², не повторение её или отзвук воспоминаний, но именно Космогония как таковая, только наблюдаемая с другой стороны.

3.0 Заключение

Миф о Рагнарёке интерпретировался на протяжении всей истории изучения самым различным образом:

— он интерпретировался как мифическое отражение сезонного ритуала воскресающей природы в смысле идей Дж. Фрезера;

— его истолковывали как отражение ожиданий, вдохновленных христианством на границе первого тысячелетия;

20 «Видение Гюльви», 51: *«Тор умертвил Мирового Змея, но, отойдя на девять шагов, он падает наземь мёртвым, отравленный ядом Змея».* «Прорицание вёльвы», 56: *«...на девять шагов отступает сын Фьёрюн, змеем сраженный — достоин он славы».*

21 «Видение Гюльви», 51: *«Но вслед за тем выступает Видар и становится ногою Волку на нижнюю челюсть. На той ноге у него башмак, веки вечные собирался он по куску. Он сделан из тех обрезков, что остаются от носка или от пятки, когда кроют себе башмаки. И потому тот, кто хочет помочь асам, должен бросать эти обрезки. Рукою Видар хватает Волка за верхнюю челюсть и разрывает ему пасть. Тут приходит Волку конец».* В «Прорицании вёльвы», 55 Видар, однако, убивает противника ударом меча в сердце.

22 В прямом значении этого слова: «Космогония» происходит от греческого κόσμος «мир, Вселенная» и γονή «рождение». Соответственно, «Эсхатология» — от греческого εσχάτοθ, «конечный, последний».

— его истолковывали натуралистически как впечатление, вызванное извержением вулкана в Исландии;

— Рагнарёк интерпретировался в смысле Макс-Мюллера как изображение заката и восхода солнца, смерть и возрождение солнца, источника света и жизни;

— Рагнарёк интерпретировался как мифическое выражение конца эпохи, сакулум²³, гибель культурного окружения, самой дохристианской традиции;

— юнгианцы могли бы интерпретировать его как символ личной трансформации, символической смерти, нигредо²⁴ и возрождения в алхимическом процессе индивидуации;

— и, конечно же, фрейдисты подчеркивали бы «аспект Эдипа»: убийство отцов и выживание молодого поколения;

— и мы могли бы продолжать и продолжать ...

Как можно заметить, моя интерпретация иного рода: я не пытаюсь сказать, откуда происходит мифологический кластер Рагнарёка, или что он означает на самом деле. Я просто пытаюсь выделить повторяющийся паттерн, который связывает космогонию с эсхатологией. Я хочу показать, что даже если многочисленные мотивы и общая атмосфера древней северной космогонии и эсхатологии различны, есть определенные части и структуры, которые в них «рифмуются». Это пять мотивов, упомянутых выше. Что показывают эти «рифмующиеся» элементы? Почему они повторяются на обоих концах шкалы времени?

Я предполагаю, что причина в том, что они связывают космогонию и эсхатологию с двумя важными феноменами: посвящением-инициацией и жертвоприношением.

1) Посвящение: водная символика потопа и его преодоление характерны для иницирующих путешествий северных богов и героев. Герой должен пройти через водную преграду как часть своего посвящения.

2) Жертвоприношение: убийство «старого короля/королей» присутствует, потому что имеет смысл в контексте символизма жертвоприношения. Общинная жертва и общинный праздник — это всего лишь частное отражение космогонии, убийство жертвы, сопровождаемое радостным праздником над его телом.

С этими ассоциациями я не пытаюсь исключить другие интерпретации, даже те, которые вышли из моды. Я думаю, что во всех них есть истина в том смысле, что, как я считаю, функция мифа должна действовать подобно зеркалу. Мифы развивались как высокоприспособляемые структуры, которые вызывают множество эмоций и могут включать множество интерпретаций. Каждый миф имеет свой набор интерпретаций, сделанных с разных точек зрения, которые, если они были отражены осознанно как продукт рефлексивной способности мифической структуры, могут помочь нам понять суть данного мифа.

Надеюсь, моя интерпретация сможет способствовать пониманию рефлексивного ядра мифа про Рагнарёк.

Благодарю за внимание!

23 Латинское *sakulum*, «конец века» — вступление в новую эпоху, по названию соответствующего праздника в Древнем Риме.

24 Латинское *Nigredo*, «чернота» — алхимический термин, обозначающий полное разложение либо первый этап Великого делания (создания философского камня): образование из компонентов однородной чёрной массы.

Птицы в традициях и верованиях германцев.

Автор - Светлана Волкова (Рогнеда)

Люди издавна восхищаются птицами из-за их способности летать и путешествовать на дальние расстояния, а также высоко на небо, туда, где живут боги. Возможно, поэтому птицы в мифах народов мира всегда были проводниками воли богов и предвестниками разных природных событий, таких как приход весны, например.

Птиц в мифологии Севера довольно много.

По крайней мере, на фоне остальных животных они занимают вполне достойное место. Хрестоматийны и очевидны Хугин и Мунир — вороны Одина, его вестники, информаторы и неизменные спутники. *«Два ворона сидят у него на плечах и шепчут на ухо обо всём, что видят или слышат... Он шлёт их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От них-то и узнаёт он всё, что творится на свете. Поэтому его называют Богом Воронов».* Без благого внимания Одина было не прожить воинам; они видели в нём бога войны, дарующего победу, придающего в битве силу и ярость, тупящего клинки врагов, ломающего их мечи и дубины, останавливающего стрелы. Добрым предзнаменованием воинам становилось появление воронов, священных птиц Одина.

Весьма заметное место занимают в мифологических сюжетах и хищные птицы. Один, крадущий мёд поэзии, и Суттунг, пытающийся

его догнать, — оба они принимают облик орлов. В орла превращается великан Тьяцци, сперва уносящий с собой Локи, а затем, после его очередного предательства, крадущий из окрестностей Асгарда Идунн. Сам Локи, исправляя содеянное, облачается в принадлежащее Фрейе соколиное оперенье. В эсхатологической части мифа вновь присутствует орёл — как в эпизодах, связанных с последней битвой богов и хтонических чудовищ:

*клекочет орёл,
павших терзает.*

(Прорицание Вэльвы, 50)

так и в картинах возрождающегося после Рагнарёка мира:

*падают воды,
орёл пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить.*

(Прорицание Вэльвы, 59)

На вершине Иггдрасиля также восседает мудрый орёл — олицетворение власти, «царь птиц», спутник солнечных богов, также божеств неба и войны, символ царственности, величия, благородства, силы, мощи, одухотворенности. Как и все птицы, орёл связан с небом, но у него эта связь наиболее крепка: он — владыка воздуха, способный долететь до солнца. Между глазами орла сидит ястреб Ведрфельнир — птица солнца, спутница солнечных богов, способная, подобно орлу, не мигая смотреть на светило, олицетворение аристократической власти и знатности.

При захоронении воина в погребение обязательно клали петуха, так как в Валхалле петух будит её обитателей. Погребения вендельской знати демонстрируют нам картину, свидетельствующую о важном месте, отводимом птице в ритуале, сопровождавшем переход человека в иной мир. Достаточно часто в них встречаются останки птиц, как диких, так и домашних. Погребение же Вендель III ставит своеобразный рекорд — здесь одновременно присутствуют гусь, утка, сова, журавль и останки еще одной «неизвестной птицы». Подтверждением подобной ритуальной практики служит описываемый Ибн Фадданом процесс принесения в жертву курицы и петуха при погребении купца на Волжском пути. Петухи присутствуют и в мифологической системе «Эдды», занимая в ней весьма существенное место — подавая своим пением один из сигналов к грядущей Гибели Богов:

*Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великаниши,
Эггер весёлый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.
Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землёй
первому вторит
петух чёрно-красный
у Хель чертога.*

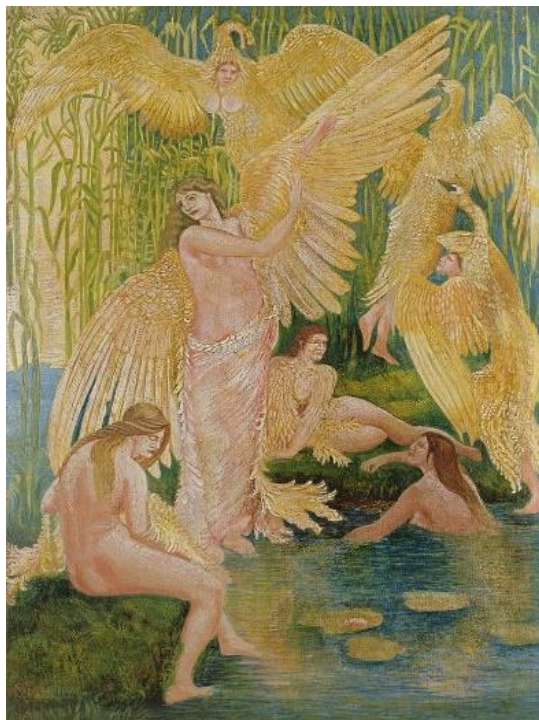
Прорицание Вэльвы, 41-42)

Фрейя — в германо-скандинавской мифологии богиня любви и войны, живущая в Асгарде, где она первая после Фригг. Равных ей по красоте не было и нет во всем мире ни среди богов, ни среди людей, а её сердце так мягко и нежно, что сочувствует

Сага Сага

страданию каждого. У Фрейи есть волшебное соколиное оперение, надев которое можно летать в образе сокола. Кроме того, Фрейя — предводительница валькирий.

Валькирии, в скандинавской мифологии воинственные девы, участвующие в распределении побед и смертей в битвах, помощницы Одина. Первоначально валькирии были зловещими духами сражений, посланницами смерти, получавшими удовольствие от вида кровавых ран. В конном строю проносились они над полем боя, словно стервятники, и именем Одина вершили судьбы воинов. Избранных героев валькирии уносили в Вальхаллу — «чертог убитых», небесный лагерь дружинников Одина, где те совершенствовались своё военное искусство. В поздних скандинавских мифах образы валькирий романтизировались, и они превратились в «дев щита» Одина, с золотыми волосами и белоснежной кожей, которые подавали избранным героям еду и напитки в пиршественном зале Вальхаллы. Они кружили над полем битвы в облике прелестных дев-лебедей или всадниц, скачущих на великолепных жемчужных конях-облаках, чьи дождевые гривы орошали землю плодородным инеем и росой. Согласно англо-саксонским легендам, некоторые из валькирий произошли от эльфов, но большинство из них были дочерьми знатных князей, которые стали валькириями-избранницами богов еще при жизни и могли превращаться в лебедей. Современному человеку валькирии стали известны благодаря великому памятнику древней литературы, оставшемуся в истории под именем «Старшая Эдда».

Лебединые девы (*Die Schwanen-Jungfrauen*), Уолтер Крейн (*Walter Crane*), 1894

Сага Сага

Лебединые девы (нем. *Schwanenjungfrauen*) — так в северной мифологии обозначали валькирий, владеющих способностью принимать вид лебедей. И в немецких народных преданиях они часто являются у рек и прудов, снимают с себя лебединую одежду и купаются в прохладной воде. Кто лишит их одежды, под власть того они попадают. Так поступает Хаген в «Нибелунгах», заставляя «бабище морское» предсказать ему будущее. Немецкий писатель Музеус²⁵ ввёл миф о Лебединых девах в жанр литературной сказки.

Богиня Фригг имеет свой собственный дом, называемый Фенсалир, Зал на болоте. Многие полагают, что именно здесь она и живёт со своими домочадцами, в то время как Один странствует. Фригг — действительно очень домашняя богиня, связанная с такой характерной деятельностью древней домохозяйки, как прядение. Подобно Фрейе она также имеет оперение сокола. Но из-за местоположения её дома некоторым исследователям традиции больше нравится предполагать, что её птицей является скопа (рыбоядный хищник, живущий у водоёмов) или гусь. По мнению Д. Паксон, к птицам Фригг относятся дикие канадские гуси, мигрирующие водоплавающие птицы, которые, весной летая в небесах, подобно веретену то поднимаются вверх, то падают вниз, словно прядут мотки пряжи.

В книге А. Хлевова «Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII веках» есть глава «Образ птицы в искусстве Севера». Там говорится, что:

«Образ птицы в самых разнообразных иконографических проявлениях является весьма характерной особенностью декоративно-прикладного искусства Миллениума Северной Европы. Разумеется, с течением времени и под влиянием обстоятельств этот образ претерпевал весьма существенные трансформации. В зависимости от господствовавшего стиля искусства и «канонических» догм, от материала, на котором осуществлялась фиксация, наконец, от содержания сюжета изображения, птица изменяла свои очертания, размер и, что особенно существенно и интересно для нас, свою видовую принадлежность. При всем этом сам образ пернатого существа, безотносительно к дифференциации его конкретных черт, несомненно, оставался одним из доминирующих в череде образов живых существ (включая и человека) от германского римского времени до завершающей фазы эпохи викингов, уступая по частоте своего появления на материальных объектах, вероятно, только вепрю».

²⁵ Иоганн Карл Август Музеус (нем. *Johann Karl August Musäus*; 1735 -1787) — немецкий писатель, литературный критик, филолог и педагог. Автор сборника литературных сказок «Народные сказки немцев».

Англосаксонская находка, IX-X вв.

Среди изобразительных сокровищ Севера первого тысячелетия, при всем изобилии и разнообразии птичьих образов, можно выделить четыре основных типа, отличающихся с точки зрения композиции, а также функциональной и смысловой нагрузки, в них заключённой.

1. Парные изображения птиц или частей их тел (преимущественно головы), как правило, симметрично сопровождающие другой персонаж, каковым чаще всего является антропоморфное существо. Наиболее яркие примеры – многочисленные изображения Одина и воронов (наконечники ножен, кресала и т. д.), птицевидные завершения рогов на шлемах воинов (Вальсърде, Вендель, Саттон-Ху, Старая Ладога), а также композиции на штампованных пластинках из декоративного набора шлема в погребении Вендель I.

2. Охотящаяся птица, когтящая добычу (чаще всего другую птицу). Таковы украшения клапана кошелька из погребения Саттон-Ху, например.

3. Птица со сложенными или слегка разведенными в стороны крыльями и повернутой в сторону головой. Частый элемент бляшек из поясных наборов, часть декоративного убранства наверший ножен мечей. Образ, весьма распространенный на монетах датских конунгов в Британии, трансформирующийся позднее на Руси в знак Рюриковичей.

4. Птица, украшающая гребень шлема воина. Важно отметить, что чаще встречается даже не само украшение на шлеме, — это достаточно четко фиксируется, пожалуй, только на гребне из погребения Вендель XIV, — а соответствующее изображение на пластинках фриза шлема, где птица является частью декора защитного вооружения процессий пеших воинов.

Количественно эти группы существенно различаются между собой. Так, например, если первая и третья весьма многочисленны, то вторая, напротив, представлена единичными экземплярами.

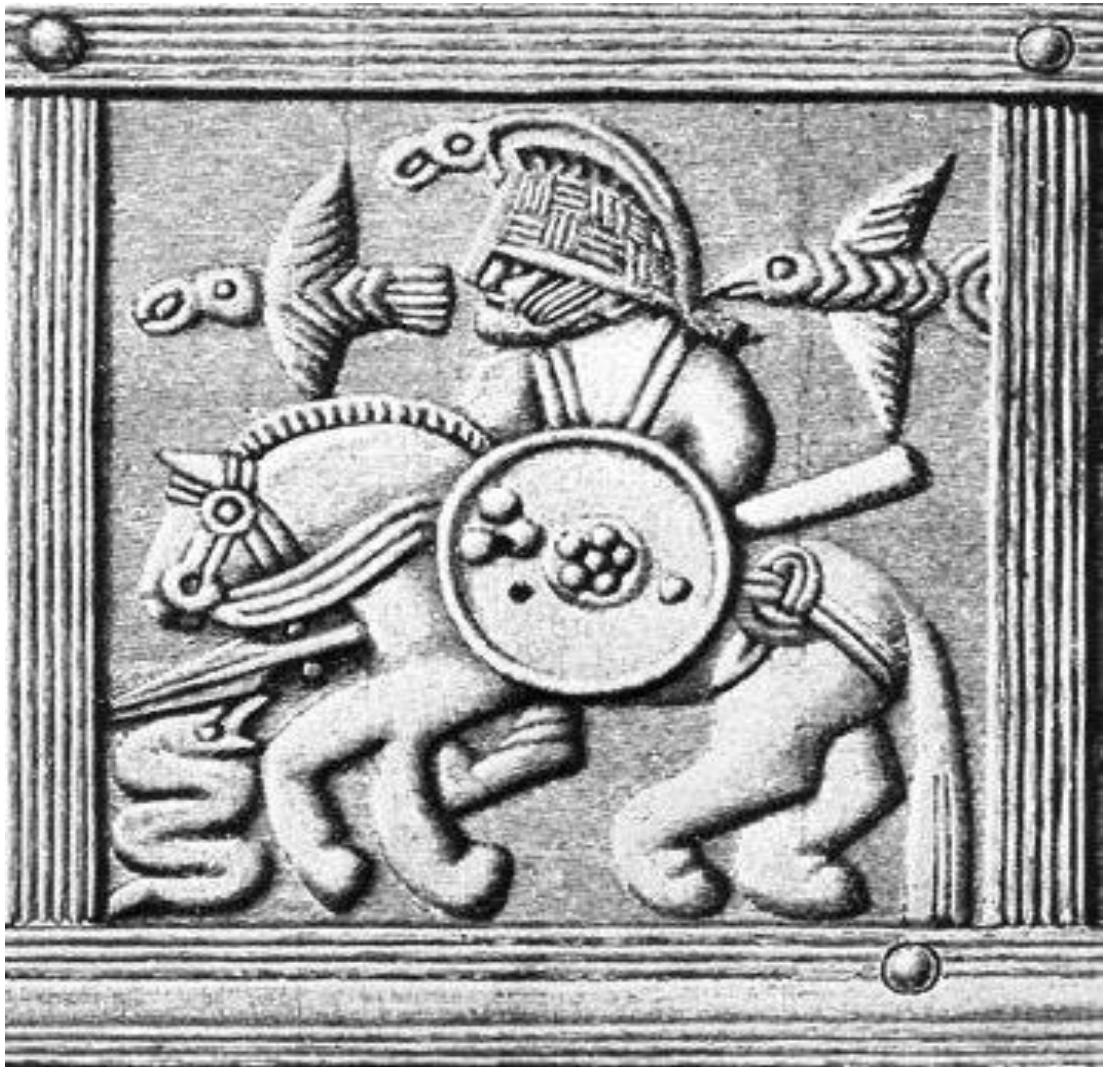

Клапан кошелька. Золото. VII в. н.э. Саттон-Ху.

Хрестоматийный вариант сюжета с крупным хищным представителем пернатых, держащим в когтях относительно небольшую птицу, практически без сомнений идентифицируемую как утка, представлен на клапане кошелька из Саттон-Ху, на парных (как чаще всего и бывало) бронзовых накладках, происходящих из Маршлепо (департамент Сомма, ок. 520 г.) и хранящихся в Берлине элементах шлемов, содержащих совершенно тождественные с сюжетной точки зрения изображения, относимые по преимуществу к VI-VII вв., распространённые чрезвычайно широко — от Норвегии до Северной Африки и от Британских островов до Византии.

Один из наиболее интересных и лаконичных и вместе с тем загадочных образов в декоративно-прикладном искусстве эпохи Вендель — тяжеловооруженный копейщик, едущий верхом в сопровождении летящих птиц. Он является составной частью декора шлема из погребения Вендель I.

Сага Сага

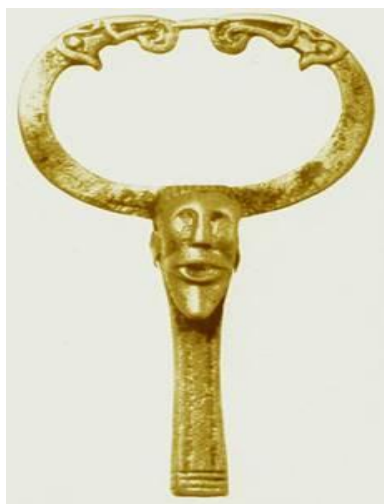
Накладка шлема из Венделя со всадником и двумя птицами..

Чрезвычайно популярно изображение сюжета одиночной птицы с наполовину распростертыми крыльями и повернутой в сторону головой, к которой восходит, по всей вероятности, знак Рюриковичей.

Парные фибулы визиготов.

Изображение рогатого антропоморфного существа, завершения рогов коего в большинстве случаев несут птичьи головы, похоже, представляет собой Одина, а птицы на его «рогах» — это вещие вороны.

Поющий бог Один. Ключ для подтягивания колков на струнном музыкальном инструменте. Старая Ладога. Высота 5,4 см. Середина VIII века.

Несомненно присутствие птиц в магической картине мира древних германцев — Тацит фиксирует развитую систему гадания по их полету и голосам. По мифам и легендам древних германцев некоторые птицы (ворон, ласточка, аист, кукушка) были

Сага Сага

одарены способностью прорицания, у них спрашивали о будущем. Ласточка и аист были вестниками весны. Реполов был священной птицей Донара; потому германцы верили, что, если разорить его гнездо, в дом ударит молния; а когда реполов увидит в лесу умершего человека, он прикрывает его лицо цветами и листьями.

В фольклоре германских народов есть много других птиц. Летающая над домом ласточка приносит удачу, но влетающая в трубу или в комнату — предвещает смерть. В Германии много ласточек, усевшихся на стрехе, предсказывают бедность. В некоторых регионах одиночная ласточка, летающая над коровой или лошадью, — знак того, что это животное падёт. Если ласточка нечаянно пролетит под коровой, то у неё после этого будет кровавое молоко. А если она присядет на плечо или ладонь человека, жить тому останется недолго. Если ласточка испражнилась на вас или на вашу одежду, в вашей семье будет смерть. Причем не ваша, а ваших близких. Вместе с тем, немецкий крестьянин широко раскрывал ворота к моменту прилёта ласточек и был очень доволен, когда ласточка вила гнездо в сарае, хлеву или под крышей дома. Во Франции существовало другое поверье. Холостой французский парень, увидев первую ласточку, смотрел себе под ноги и, найдя волос, по его цвету определял — блондинкой или брюнеткой будет его будущая жена. Немцы в аналогичной ситуации поднимали из-под ног уголёк. Его нужно было носить с собой весь год, это предохраняло от головной боли. В Силезии быстро, пока птица не улетела, ложились на спину. Верили, что после этого спина весь год не будет болеть. В Швейцарии, увидев ласточку, хлопали себя по карману, чтобы позвенеть монетами, тогда весь год везло в домашнем хозяйстве и в играх.

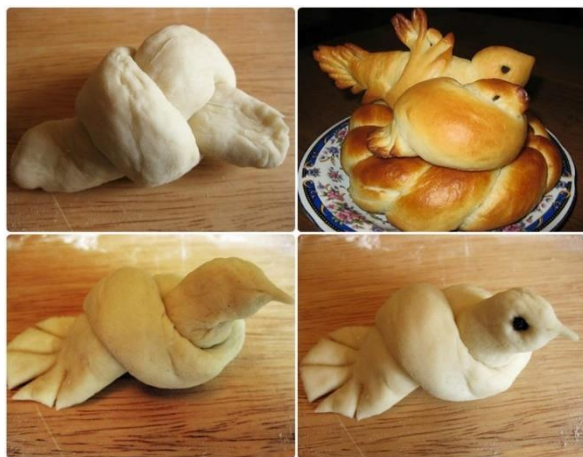
От подагры, развитию которой способствует частое употребление алкоголя, лечили солёной соевтиной, эпилепсию и помешательство — сваренными мозгами этой птицы. В Германии, чтобы уберечься от ужасных последствий укусов бешеной собаки, постоянно носили под мышкой левой руки сердце и правую лапку совы.

Также в Германии верили, что если молодая девушка весной в первый раз увидит аиста летящим — станет уже в этом году невестой, стоящим — кумой. Во Франции, согласно похожему поверью, девушка, увидевшая весной пару аистов, должна была в этом году выйти замуж, а если одного — остаться еще на год «холостой». Крик первого аиста, услышанный натошак, приносит несчастье или, по крайней мере, раздоры в семье и битвё посуды на кухне в течение года. Тот, кто хочет быть крепким на ноги, должен весной при виде первого аиста бежать за ним, приседая и кувыркаясь. Если же кто увидит аиста первый раз весной в состоянии покоя, тот весь год будет слаб на ноги и станет постоянно утомляться при ходьбе. Древние германцы соотносили птицу с богиней Хольдой, которая приносила весной возрождение природы. Аисты прилетают её вестниками, а по осени возвращаются в светлое царство богини, что находится в сказочной стране эльфов и гномов, и там принимают человеческий облик. Если во сне вы видите аиста, опустившимся на крышу дома или в гнездо, — все будет благополучно в вашей семейной жизни, а если вы ещё не построили семью, то вас ожидает счастливое супружество. Если он пролетает прямо над вами, значит, вам будет сопутствовать удача, и все ваши трудности будут скоро преодолены. Однако если аист пролетает в стороне, то в реальной жизни вы можете столкнуться с равнодушием окружающих вас людей. Если вы готовитесь вступить в

брак, приснившийся вам пролетающий в стороне аист — знак того, что вам предстоят некоторые трудности с заключением и оформлением брака. Если вам снятся два аиста в гнезде — это к свадьбе, к долгой и счастливой семейной жизни, к появлению детей. Белый аист во сне — к прибыли (материальной или духовной), к приятной встрече. Если вам приснился мёртвый аист, следует ожидать скорого и большого разочарования в жизни.

Чтобы приблизить приход весны, хозяйки пекли из пресного или кислого теста птичек.

Печеных птах посылали родным и близким, чтобы весна, свет и тепло пришли и к ним. Птичек раздавали детям, печеных птиц насаживали на длинные палки и выбегали с ними на пригорки или насаживали птичек на шесты, на забор, подбрасывали кверху.

Для теста использовали 2 кг муки, 50 г дрожжей, 250 г растительного масла, 1 стакан сахара, 0,5 л воды, щепотка соли. Для обмазывания: яйцо. Из куса теста раскатывали жгут, завязывали его узлом. Головке придавали соответствующую форму, втыкали изюминки вместо глаз, приминали пальцами хвостик. Делали ножиком надрезы-перышки, смазывали поверхность яйцом и отправляли в печь. Таких птичек выпекали весной в разных странах.

Делали также и птиц из подручного материала: обрезков ткани, соломы, ниток. О том, как изготовить такую поделку, рассказывает статья-мастеркласс данного выпуска журнала.

Использованные материалы:

Королёв К. «Языческие божества Западной Европы» (Германо-скандинавская традиция)

[http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1002253/7/Korolev_Kirill -](http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1002253/7/Korolev_Kirill_-_Yazycheskie_bozhestva_Zapadnoy_Evropy_Enciklopediya.html)

[Yazycheskie bozhestva Zapadnoy Evropy. Enciklopediya.html](http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1002253/7/Korolev_Kirill_-_Yazycheskie_bozhestva_Zapadnoy_Evropy_Enciklopediya.html)

«Мифы древних германцев» (Русская историческая библиотека)

<http://rushist.com/index.php/mifologiya/2076-germanskaya-mifologiya>

«Наш Трот». Глава 10. Один <https://www.liveinternet.ru/users/3945726/post137237523/>

Рецепт <https://azbyka.ru/days/p-zhavoronki-istorija-i-retsept>

Образы германской мифологии http://vbaden.blogspot.com/p/blog-page_972.html

Паксон Д. «Возлюбленная» (Фригг) <https://www.liveinternet.ru/users/3945726/post134469808/>

Энцик

лопедия Тетерева http://zapisitetereva.blogspot.com/2013/07/blog-post_4276.html

Хлевов А. А. «Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII веках». – Спб.:

Издательство «Евразия», 2002. <http://textarchive.ru/c-2372049.html>

Отрывок из книги «Боги, герои и скальды». Предуведомление.

Уважаемые читатели! Перед Вами отрывок из новой, пока ещё не опубликованной, книги «Боги, герои и скальды» за авторством двух переводчиков — профессионала Вадима Сеничева и аматора Надежды Топчий. На две части, со своим стилем изложения — каждая, книга и будет разделена. Планируется, что выйти сей труд должен в серии Acadetia nordica известного московского издательства «Вече», ориентировочно во второй половине текущего года. Авторы искренне благодарят редакцию за предоставленную возможность донести свои размышления до широкой (надеемся!) аудитории.

Книга будет содержать переводы исландских саг, так или иначе объединённых общей темой войны и мирной жизни людей эпохи викингов, их взаимоотношений со сверхъестественным в эпоху древней и новой веры и темой смены представлений о должном в разное время. Найдётся в сагах и прядях будущей книги и место шутке и волшебству. А главное, авторы сделали попытку не только перевести тексты саг, но и рассказать читателям, в том числе и тем из них, кто ранее вовсе не интересовался эпохой викингов, о культуре и восприятии мира скандинавами того времени, о том, что стоит за словом рассказчика и скальда. Ведь давно известно, что для правильного понимания текста переводить надо не столько «с языка на язык», сколько «с культуры на культуру».

Надеемся, что у читателей будет возможность оценить усилия и найти для себя в будущем издании что-то новое.

Поединок чести в исландских сагах.

Автор - Вадим Сеничев

Поединок в раннесредневековой культуре можно рассматривать как частный случай военных действий, своего рода индивидуальную войну, войну в миниатюре. Именно индивидуальная война позволяет взглянуть на отношение личности к военному конфликту, на особые ритуалы и правила, связанные с подготовкой и проведением боя, с реакцией на его последствия. Вероятно, что рассмотрение устойчивых форм «малой войны» может раскрыть перед нами более архаичные её черты, утраченные в процессе активного развития военной мысли в античности и раннем средневековье, когда в обиход стали входить таранный кавалерийский удар и развитие собственно конного боя. Ритуализированность подобных поединков можно определить как сохранившийся элемент архаического восприятия воинской профессии в индоевропейских обществах.

Сага Сага

Прорисовка сцены поединка со шлема вендельской эпохи.

Судебный поединок являлся одним из способов определения правоты той или иной стороны. В обществе древних германцев подобные поединки имели широкое распространение, и материал саг показывает, что данный способ разрешения конфликтов имел под собой и религиозную основу. Воинская культура раннего средневековья была пропитана религиозно-магическим символизмом. Часто война или любое её проявление воспринимались, в том числе, как ритуальный акт. Оружие и снаряжение воина, его поведение, даже то, с какой ноги он ступает на поле боя, — все это являлось важными факторами в индивидуальном сознании древнего германца. Часто война велась не ради победы, а ради индивидуальной или групповой славы и чести. В таком случае формальное выполнение правил или обетов, данных воином, придавало его действиям больше внутреннего смысла. Так традиция хольмганга (др. норв. *holmganga*, букв. «Поход на остров»), существовавшая в Скандинавии в раннем средневековье, является ярким примером описанного восприятия и формализации агрессии. Важно отметить, что в исландских сагах эпизоды неконтролируемого насилия встречаются нечасто. Большинство споров решалось на тингах или в личных поединках, что помогало избегать большого кровопролития. Даже когда герои саг прибегают к сбору дружины, обычно сражения заканчиваются ранениями и редкими смертями, а чаще и не начинаются совсем, так как собравшиеся сторонники той или иной фракции просто являются залогом её правоты на тинге, символизируя своим присутствием согласие с позицией созвавшего их человека.

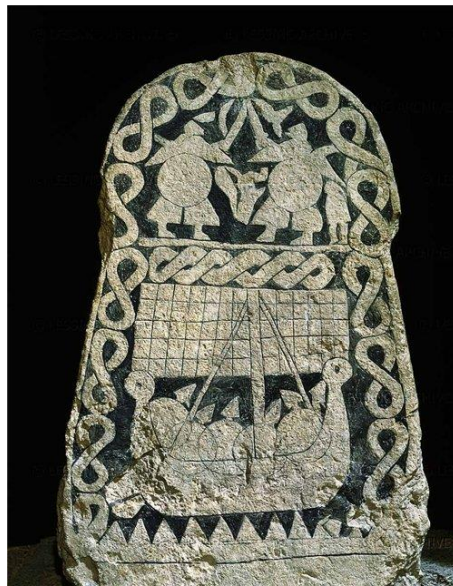
Введение практики судебного поединка можно считать одним из способов урегулирования такой, характерной в том числе и для индоевропейцев, традиции, как кровная месть. Оно дало возможность минимизировать потери и ущерб в ходе вражды посредством формализации мести и ограничения числа вовлеченных в её исполнение — к ним относились только непосредственные участники поединка.

Появление практики эйнвиги (др. норв. *einvigi*, «поединок») служит первым знаком того, что в обществе начинается процесс формализации вражды. Эйнвиги

Сага Сага

описывается как поединок без особых правил и на любом оружии. Не регламентируется ни место, ни количество свидетелей или судей. Эйнвиги упоминается в «Саге о Кормаке». Также в «Видении Гюльви» Снорри Стурлуссона описывается ас Улль, которого называют покровителем поединков: *Ullr heitir einn, sonr Sifjar, stúpsonr Þórs. Hann er bogmaðr svá góðr ok skíðfærr svá, at engi má við hann keppast. Hann er ok fagr álitum ok hefir hermanns atgervi. Á hann er ok gott at heita í einvígi*¹.

Особо стоит отметить, что Снорри использует именно термин *einvígi*, который является более древней формой поединка по сравнению с *holmganga*. Также важно отметить, что имя Улля встречается в названии одного из древнейших сакральных мест в Норвегии и Швеции, *Ulleraker*², а ещё упоминается в «Гренландской песне об Атли», входящей в «Старшую Эдду», в связи с кольцом и клятвой: *at sól inni suðrhöllu / ok at Sigty's bergi, / hölkvi hvílbeðjar / ok at hringi Ullar*³. Можно предположить, что Улль в древненорвежском обществе являлся богом закона и покровителем судебного поединка. Таким образом, существование бога, покровительствующего дуэлям, ещё до заселения Исландии, говорит о древней традиции регулируемого правилами и ритуалами поединка в обществе древних германцев.

Камень с рисунком из Нер-Смисса на о. Готланд. Верхняя часть изображения посвящена поединку двух воинов.

Тем не менее, с помощью эйнвиги не всегда удавалось ограничить

1 *Edda Snorra Sturlusonar. Guðni Jónsson bjó til prentunar.* Русский перевод отрывка из «Видения Гюльви»: «Улль — имя сына Сив, пасынка Тора. Он так хорошо стреляет из лука и ходит на лыжах, что никому не под силу с ним состязаться. Он к тому же прекрасен лицом и владеет всяким военным искусством. Его хорошо призывать в единоборстве».

2 *Vries, Jan de Altgermanische Religionsgeschichte.* Berlin, 1956. p. 374

3 «Клялся ты солнцем, Одина камнем, ложа конем и Улля кольцом» в издании «Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах». — М.: Художественная литература, 1975.

Сага Сага

кровопролитие, ведь после смерти одного из дуэлянтов его родственники могли начать за него мстить или требовать суда над победителем. «Законы Гулатинга» (*Gulapingslova*)⁴ стремились ограничить месть выплатой денег за погибшего. Таким образом, развитие общественных отношений привело к потребности выработать более совершенный механизм ограничения насилия. Так появился хольмганг, ставший общескандинавской практикой и формализовавший правила поединка. Он вводил определенные правила для проигравшей и выигравшей стороны. Само название *hólmgang* происходит от слова *hólm*, что значит «остров». Площадкой для него мог служить как маленький остров, на котором могут встать только двое поединщиков, так и специальное огороженное пространство.

Эпизоды хольмганга, встречающиеся в «Саге о Кормаке» несколько раз, описывают особо подготовленное поле, окруженное священными символами и являющееся священным пространством, в котором действуют особые правила. В частности, не разрешалось выходить из этого пространства до конца боя. Стоит заметить, что убийство на хольмганге случалось нечасто и являлось скорее исключением, так как главным условием победы, а значит и доказательства правоты одной из сторон в споре, являлась пролитая на поле кровь, что далеко не всегда означало смертельное ранение. Также стоит отметить, что до боя оба противника выполняли определенный ритуал и произносили специальную формулу — тьёснублот (*tjösnuþlót*)⁵, а после боя победитель должен был принести в жертву быка.

Описания хольмгангов примечательны ещё и тем, что такие поединки были запрещены в Исландии в 1004 году, однако автор, записавший сагу в XIII веке, сообщил о происходящем достаточно детально, что может говорить о качественной передаче устной традиции, как и в случае со «Старшей Эддой», записанной в это же время, а также о сохранении памяти о старой религии и её ритуалах даже в христианскую эпоху, что вполне возможно для отдаленных регионов Европы.

Для соблюдения ритуальной чистоты поле поединка огораживалось и выделялось как пространство, где действуют божественные законы, в которые людям не стоило вмешиваться. Поле, описанное в «Саге о Кормаке», представляет собой разложенную шкуру в пять локтей длиной⁶, с узелками на концах, в которые продеты колышки. По краям плаща располагаются шесты из орешника, и само поле поэтому называется ореховым полем. Также вокруг поля делались три ряда черт, каждая на расстоянии фута⁷ друг от друга. Были описаны правила, по которым боец, вышедший обеими ногами за черту, считался бежавшим с поля. В таком случае он должен был заплатить три марки серебром, после чего его отпускали. Каждому бойцу давалось три щита, с которыми они выходили на поле для боя. Победу же в таком поединке

4 Рукопись в составе кодекса *Gl. Kgl. Samling 1154 Folio*, представляет собой записанный ок. 1024 года свод законов области *Gulen* в западной Норвегии, один из первых записанных в Скандинавии сводов законов.

5 Жертва или обряд, проводимые при ритуализированном поединке, что более подробно описывается далее.

6 Около трех метров.

7 Около 30 см.

Сага Сага

приносила кровь, пролитая на шкуру. Можно сравнить это описание с «Сагой об Эгиле»: «Местом суда было ровное поле, окруженное вежами из орешника. Между вежами была протянута веревка. Она называлась границей суда»⁸. Перед боем соперники проделывали особый ритуал, уже упомянутый выше тьёснублот: *Það voru hólmgöngulög að feldur skal vera fimm alna í skaut og lykkjur í hornum. Skyldi þar setja niður hæla þá er höfuð var á öðrum enda. Það hétu tjösnur.*⁹

В «Саге о Кормаке» бой окончился тем, что отрубленный конец меча ударил по руке героя и порезал его палец, на чём поединок был остановлен, и было сказано, что правосудие свершилось. В такой ситуации наблюдается формальный, и, в то же время, вполне соответствующий ритуалу подход — даже назначительная рана была показателем правоты или неправоты. Подобные дуэли встречаются в сагах часто, и далеко не всегда они проводятся так формально, однако правило состоит в том, что бой проходит на особой огороженной площадке. В «Саге об Эгиле» площадка была размечена кругом из камней, также намекая на то, что выход за этот круг означал просьбу о пощаде — в ходе поединка противник Эгиля, Льот вышел за камни и попросил передышки. Вмешиваться в ход сражения могли лишь щитоносцы бойцов — люди, которые держали запасные щиты на случай поломки. Они могли только закрыть упавшего, не давая его добивать. Случаев, когда кто-либо врывается на поле и пытается мешать поединку, на данный момент не известно.

Много раз в этой саге упоминаются судебные поединки, и в одном из них оба противника имеют волшебные мечи. Меч Кормака, Скёфнунг (*Sköfnung*), достается герою от его родича и требует особого ритуала обращения с ним перед поединком. Так он описан в саге:

Pungur fylgir og skaltu hann kyrran láta. Eigi skal sól skína á hið efra hjaltið. Eigi skaltu og bera það nema þú búist til vígs. En ef þú kemur á vettfang sit einn saman og bregð þar, rétt fram brandinn og blás á. Þá mun skriða yrmlingur undan hjaltinu. Halla sverðinu og ger honum hægt að skriða undir hjaltið."

Kormákur mælti: "Mart hafid þér við töframennirnir."

Skeggi mælti: "Þetta mun þó fyrir fullt koma." ¹⁰

Меч, доставшийся герою саги, казалось бы, требует сложного ритуала и обладает странными свойствами, однако их можно интерпретировать так: во влажном климате любой железный предмет подвергается опасности быстро заржаветь и потерять свои качества, для этого меч не просто постоянно носят в

8 «Сага об Эгиле сыне Скаллагрима», гл. 90.

9 «Сага о Кормаке», гл. 10: «Каждый выходящий на поле должен был встать возле колышков так, чтобы видеть небо у себя между ног, взять себя за уши и произнести тьёснублот (жертвоприношение-тjösnur)».

10 «Сага о Кормаке», гл. 9: «...на нём надета мошна, не снимай ее, и не давай солнцу освещать навершие меча до того, как ты ступишь на поле боя. А когда ступишь на него, сперва сядь в одиночестве, а только потом вынь его из ножен. Разверни лезвие на себя и подуй на него. Из рукояти появится небольшая змейка. Наклони меч и дай ей забраться обратно в рукоять.

— Это настоящее колдовство, — ответил Кормака.

— И только так, — сказал на это Скегги, — меч сослужит тебе хорошую службу».

ножах, но и закрывают наверх чехлом, создавая нужный микроклимат. Вероятнее всего, предостережение о том, чтобы не давать солнцу светить на меч, связано с тем, чтобы его не вынимали часто и не давали подвергаться действию погоды. Змейка, живущая в рукояти, вероятнее всего, является аллегорией воздушного конденсата, который должен осесть на клинок в правильной форме и показать, что внешние условия вполне пригодны для использования меча. Этому же мнению придерживается Эварт Окшотт, добавляющий, что змейка представляет собой узор дамаскированной стали, который проявляется при определенных кондициях, которые считаются оптимальными для того, чтобы не портить клинок: «Если вы подуете на холодную поверхность одного из таких клинков, то внезапно появится легкая тень гравированного узора, который начнет как бы извиваться благодаря тому, что влага от вашего теплого дыхания сконденсируется на поверхности. Через некоторое время он сам собой исчезнет. Именно эту змейку имел в виду Скегги, и именно на змею такой узор похож больше всего — аналогия напрашивается сама собой».¹¹

Однако Кормак поступает с оружием не так, как завещает его родственник. Вместо бережного отношения он сразу же пытается вынуть его из ножен, отчего те начинают трещать и ломаться. Перед самым поединком меч отказывается выходить из ножен, и его приходится вынимать, уперев ногу в перекрестье. Подобное обращение с мечом в саге было названо недостойным и признано за недобрый знак. Именно его герой называет причиной своего последующего поражения, хотя и регулярно заявляет, что не верит ни в колдовство, ни в магию. Здесь можно увидеть повторение сюжета о том, что герой, не должным образом обращающийся с оружием, бывает наказан, и оружие отказывается ему служить.

Итак, мы видим, что в мире древних скандинавов меч — не просто инструмент воинской профессии, не просто великая драгоценность, в которую вложен таинственный и полный секретов труд кузнеца, но живой объект, обладающий своей волей и характером, зачастую готовый пойти против своего хозяина, который поступает с ним не должным образом. Вся жизнь скальда Кормака состоит из

подобных поступков, в которых он не хочет мириться с предлагаемыми ему условиями, восстает против них. Скальд, влекомый своим неудержимым поэтическим даром, неуклонным характером, почти неспособный на компромисс — вот истинное лицо эпохи викингов.

Меч эпохи викингов.

¹¹ Окшотт Э. «Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса». М.: Центрполиграф, 2004. Стр. 123

III. Язычество сегодня.

Объявляется Альтинг!

Мы рады напомнить нашим читателям, что 3-5 августа, во время празднования Фрейфакси, в Тверской области на капище общины «Скидбладнир» пройдет встреча последователей разных ветвей и направлений Северной Традиции. Организаторы мероприятия — московские общины «Скидбладнир» и «Клика Локи».

Устроителями было принято решение провести в этом году Альтинг для активистов движения, с целью очного знакомства наиболее деятельных представителей Северной традиции, которым и были высланы приглашения. Однако это не значит, что для остальных мероприятие недоступно: если у кого-то есть желание приехать, просто напишите пожалуйста администрации группы «Альтинг 2018» в социальной сети ВКонтакте по адресу <https://vk.com/althing18>. Там же, в группе, можно поделиться идеей или предложить тему обсуждения на грядущей встрече.

На данный момент в качестве повестки дня Альтинга предполагаются такие вопросы, как обсуждение текущей ситуации в Асатру и близких деноминациях — в странах СНГ и мире в целом (в том числе и нашумевшая «Декларация ста двадцати семи», ставящая вопрос этически приемлемого для её подписавших). Вопрос о том, как должна или не должна влиять принадлежность к германо-скандинавской языческой традиции на рамочные представления о должном и недожном, допустимом и недопустимом. Вопрос о судьбе действующих и не действующих объединений верных в СНГ и России, критерии случаев, когда сотрудничество и участие в общих делах становится необходимым.

Предусмотрены и практические дела, вроде помощи в обустройстве капища (одного из двух официально принадлежащих асатруа, так что не стоит думать, что «это не моё дело»), предлагается дать возможность желающим устроить мастер-классы и торг-выставку тематических предметов.

И, разумеется, будут проведены обряды праздника Жатвы и восславлены боги, дарующие нам Урожай изобилия и помогающие обрести Урожай правильных дел.

Добраться до места Альтинга можно машиной или автобусом от Твери, либо машиной или автобусом из Москвы (как вариант — доехать на электричке до Твери, и действовать по первому варианту). Ночёвка предполагается в палатках на месте, но есть возможность остановиться в гостинице в Старицком районе (в этом случае до места придётся добираться либо машиной, либо на такси).

Подробности как дороги, так и проживания можно узнать в группе Альтинга, ближе к событию перечень вариантов будет вывешен отдельно.

Будем рады видеть всех неравнодушных и неленивых единомышленников в гостях!

Valheim Hof: храм Джима Лингвилда.

**Автор - Вячеслав Володин,
постоянный автор *Paganka.blog*.**

Среди пяти сотен датских островов нашёлся один, заросший вересковыми полями, остров, ставший центром возрождения скандинавского язычества в Северной Европе. И всё благодаря прекрасному деревянному храму, выстроенному местными язычниками. Более десяти тысяч человек приезжают ежегодно в дни праздников посетить это восхитительное место, чтобы самим узреть высокие драконьи головы храма и одноглазого бога, живущего в нём. И это не какой-нибудь исторический аттракцион или ролевая площадка — сегодня мы расскажем нашим читателям о примере настоящей веры.

Возрождая традиции.

30 мая 2016 года в Дании, на юго-западе острова Фюн, близ города Коринф (*Korinth*) был открыт первый в этой стране за 1000 лет языческий храм. Посвящённый скандинавским богам храм *Valheim Hof* принадлежит известному в Дании актёру, дизайнеру и писателю Джиму Вегенеру Лингвилду (*Jim Wegener Lyngvild*), тридцати девяти лет. На церемонию открытия Лингвилд пригласил множество именитых гостей, добрых знакомых и своих единомышленников, а Председатель парламента Пиа Кьярсгорд (*Pia Kjærsgaard*) имела честь перерезать ленту перед входом в *gudehov* (датск. «святилище»). Высокий гость лестно отозвалась о стремлении Джима Лингвилда сохранять древние традиции и поблагодарила за бережное отношение к датскому культурному наследию, но при этом шуточно добавила: «Я лишь надеюсь, что вы не поплывёте отсюда захватывать Англию!»

Храм *Valheim Hof* является частью обширного поместья *Ravnsborg*, название которого переводится как «Вороний замок». Принадлежащее Джиму Лингвилду поместье расположено на равнинном участке 400 м² на берегу озера и представляет собой уникальный для современной датской архитектуры комплекс зданий, в своей конструкции объединивших исторический скандинавский стиль, эстетику деревянного зодчества и функциональность современных построек. В число зданий поместья *Ravnsborg* входят двухэтажная усадьба, стоящий за ней храм, крытый живым дёрном гостевой павильон и небольшая мастерская. Всё было выстроено по чертежам Джима Лингвилда и, по большей части, лично его руками и руками его друзей.

Идея возведения настоящего храма Северной Традиции давно завладела Лингвилдом. Ещё в 2012 году, когда он строил свою удивительно красивую усадьбу, Джим начал изучать скандинавские деревянные церкви. В конце 2015 года, взяв за основу археологическую реконструкцию некогда стоявшего в Уппокре (*Uppåkra*) храма, что близ современного Лунда, он проектирует будущий *gudehove* и попутно ищет желающих принять участие в строительстве. Из числа подписчиков страницы *Facebook* находит десять добровольцев-ремесленников, помня о повышенном внимании к нему христианских активистов, объединяет их в компанию *Odinshovet 2016* и приступает к работе. В течении трёх недель, с февраля по март, велись работы

Сага Сага

по сооружению каркаса храма: отсыпка валунно-щебневого фундамента, вкапывание четырёх высоких мачт и боковых столбов (*stav*), установка сложенных прямоугольником опорных брусков, обшивка стен внахлест лиственничной доской, монтаж потолочных притолок и перекладин, покрытие двускатной кровли тесом. С марта по конец мая велись более тонкие работы — декорирование портала, вырезание скульптур и мебели, оформление интерьера, облагораживание территории.

Общий вид на храм

Джим Вегенер Лингвилд так отозвался об окончании строительства храма:

— Сегодня был удивительно эмоциональный день. Valheim Hof готов, и у нас появилось святилище... Мои руки истекают кровью, и я дико злюсь на себя. Но я счастлив и горд, и надеюсь, что Один, Тор, Фрейр и Фрейя разделяют мою радость.

Изображение Тора в святилище.

Первый в Дании.

Посвящённый скандинавским богам храм имеет несколько имён, и все они по-своему верны. В разное время этот храм называли *Valheim Hof* — Дом Павших, *Manheim* — Дом Мужей, *Odins Hov* — Храм Одина и даже *Frejas Sal* — Зал Фрейи, прямо как в государственном гимне Дании¹. И все они описывают прекрасное деревянное здание с уходящей ввысь трёхъярусной кровлей, вобравшее в себя дух языческой древности Скандинавии. Увенчанные драконьими головами на грациозных шеях кровли вызывают неподдельное восхищение и смутную тревогу своим изготовившимся к атаке видом. Всё подчёркивает суровую природу этого культового строения, пришедшего из времён кровавых жертвоприношений в Тевтобургском лесу.

¹ Государственный гимн Дании состоит из четырёх строф из стихотворения *Der er et yndigt land* Адама Эленшлегера. В нём есть строка «И это [датская земля] и есть обитель Фрейи» (*Og det er Frejas sal*).

Сага Сага

Девятиметровый в высоту *Valheim Hof*, как это характерно для древних святилищ, ориентирован по сторонам света и, имея вход на южной стороне, вытянут по оси с запада на восток. Деревянный храм стоит на приподнятом каменном фундаменте и кажется при этом ещё выше из-за шести тянущихся вверх драконьих голов. Повторяя в этих скульптурах архитектурную особенность ставкирки в Боргунне, храм возрождает утерянные традиции деревянного храмового зодчества. Лингвильд сумел так перенять ту силу древних мастеров, что наделяла душой созданные из живого материала здания. Выстроенный на 8/9 из дерева местного леса Братромлеборг, храм и сегодня после дождя источает пьянящий аромат свежих лиственничных досок. Двенадцать ясеневых столбов с висящими на них черепами принимают на себя тяжесть всей многоярусной кровли. Проверенная столетиями каркасная конструкция храма обеспечивает лёгкость и устойчивость всего здания, что очень важно в этом сейсмически активном регионе. Прямоугольник основания стен, величиной 6 на 13 метров, незначительно уступает размером первоначальному храму в *Uppåkra*. Массивный портал входа, на южной стороне храма, собран из грубо обтёсанных толстых ясеневых досок с вырезанными образами драконьих голов и украшен козлиными рогами. Вершину портала венчает прорезное изображение руны «одаль» (*ǫþalan*), имеющей смысловое значение «наследие». В глубине портала находится арочная дверь с фигурными железными петлями и дверным кольцом со звериными мордами и накладкой на дверях со сложным рисунком — это подарок от американских единоверцев. На каменном участке перед входом в храм возвышается вырубленный из ствола ясеня высокий деревянный идол, зорко следящий за гостями поместья своим единственным глазом.

Сага Сага

Часть интерьера храма.

Внутреннее убранство храма очаровывает своей варварской простотой, первобытной дикостью и естественной фактурой дерева. *Valheim Hof* изнутри представляет собой единый общий зал с четырьмя огромными стволами ясеня посередине, поддерживающими свод храма. Поверхность необхватных ясеневых столбов практически не тронута, каждый из них весит около двух тонн и по замыслу зодчего символизирует Мировое древо — ясьень Иггдрасиль. Стены прямоугольного помещения храма завешены коровьими шкурами, в боковые столбы вставлены подсвечники, вдоль стен стоят обитые мехом лавки, стропила и перекладины украшены ветвистыми оленьими рогами. Полы покрыты грубооткаными половиками, и только в восточной, алтарной, части половицы покрыты медвежьей шкурой. Высокий свод святилища, освещаемый проходящим через дымник солнечным

Сага Сага

светом, обнаруживает перекрестную конструкцию сложной многоярусной кровли. Ночью освещение храма поддерживается живым огнём стоящего в центре зала каменного жаровника и свечами на столбах. Ближайшая ко входу торцовая стена драпирована трёхметровым полотнищем, изображающим родословное древо Джима Лингвилда — потомка древнего датского рода Хвайдов (*Hvide*). Близ полотна находятся скульптуры волков, круглые щиты, мечи и пара бочонков с вываренным из мёда алкогольным напитком *Mjød*. Этот напиток датские последователи Северной Традиции считают священным источником вдохновения, признавая его даром Одина.

Портал и дверь с коваными накладками и кольцом

В глубине зала, у восточной стены, находятся изваяния трёх величайших божеств скандинавского пантеона — Одина, Тора и Фрейра, Лингвилд лично вырезал эти образы. У стены стоит прекрасный резной трон с рунической надписью «Хлидскьяльв», орнаментированный искусным узорочьем стиля Еллинг в виде переплетений лент, волков, воронов и личин. На этом троне покоится увенчанная серебряной короной чёрная личина — изображающая Одина одноглазая маска. Справа и слева от престола на широких колодах восседают фигуры Тора и Фрейра. Тор выполнен похожим на найденную в Исландии, в Эйрарланде, бронзовую фигурку — он также сидит, держа на коленях молот. Фрейр подобен бронзовой статуэтке из Седерманланда (Швеция) — он также задумчиво держит бороду.

Сага Сага

Престол Хлидскьяльв и внутреннее убранство храма

— Неужели это первый храм Одина за 1000 лет? — говорит Лингвилд. — Что ж, это не важно... Главное, что теперь у Одина и всех богов Севера есть ещё один дом в Мидгарде.

Вороний замок

Следует также уделить пару слов усадьбе.

В 2012 году датская пресса называет «самым красивым зданием Дании» сконструированную Лингвилдом деревянную двухэтажную усадьбу — главное строение, давшее название всему поместью *Ravnsborg*. И действительно, самобытный вид усадьбы отсылает не столько к романтическому стилю «драгенстиль»² XIX века, сколько к скандинавским деревянным храмам — каркасным церквям, называемым ставкирками (*stavkyrkje*).

² *Dragestil* (Драконий стиль) — стиль дизайна и архитектуры, зародившийся в Норвегии и получивший широкое распространение между 1880 и 1910 гг. Является вариантом национального романтического стиля, был вдохновлён средневековым деревянным зодчеством Скандинавии и деревянной резьбой эпохи викингов, вроде кораблей из Гокстада, Туне и Осеберга. Название получил по характерным для него переплетениям змей и драконов. Также в архитектуре характеризуется острыми двускатными крышами и большими карнизами.

Сага Сага

Над крестообразной в плане усадьбой возвышается тринадцатиметровая в центре сложная двускатная кровля, здание опоясано по фасаду стоящей на тонких опорах просторной галереей. Сложная конструкция кровли вкупе с приподнятой центральной частью усадьбы и восьмиугольной остроконечной башней делают здание многоярусным и визуально высоким. Острые углы лицевых фронтонов, резкие пересечения плоскостей, будто панцирем, покрытые дранкой стены и кровля — все эти агрессивные элементы наделяют дом чертами крепости, оправдывая имя *Ravnsborg* — «Вороний замок». В облике здания доминируют прямые линии и простые формы, во многих местах декорированные искусной резьбой. Поэтому здание усадьбы выглядит одновременно сурово, лаконично и торжественно. А тёмное от смолы дерево наполнило экстерьер дома мрачной пышностью и антикварным благородством старины.

Общий вид Равнсборга сверху

Что следует в первую очередь отметить в интерьере дома, так это удивительную ажурность и лёгкость великолепных арочных перекрытий в высоком зале, несущих основную тяжесть свода. Полукружия арок, поддерживающих потолок и хоры, выпилены из прикорневых частей древесных стволов, «рассчитанных» самой природой так, чтобы выдерживать огромные вертикальные нагрузки. Во-вторых, это залитые естественным светом внутренние помещения — видимо, Лингвильд стремился воплотить в жизнь почерпнутое из «Эдд» понятие «светлый чертог». Внутреннее убранство поместья *Ravnsborg* отличается сочетанием новой мебели, антиквариата, шкур и чучел зверей и птиц. Приятным сюрпризом для Лингвильда стало невероятное снижение затрат на отопление для столь большого здания

Сага Сага

благодаря использованию хорошей изоляции, солнечных батарей и геотермальной энергии. Конструктивной особенностью дома можно считать просторнейший гостевой зал со стоящим посередине длинным столом на 25 человек, где под высоким потолком льётся мягкий свет многогогих светильников, а под хорами гостеприимный хозяин вывешивает живопись и фотопортреты.

Самовластный хозяин.

За его бурную, иногда вызывающую деятельность Лингвилда в прессе оценивают весьма по-разному. Его называют истинным датчанином и человеком дела, провидцем и героем современности. Его бранят «кремовым королём» и «денежным мешком», идолопоклонником и фанатиком. Сам Джим признаёт себя «верующим в Асов» (датск. *Asatroende*), и именно с этой стороны он нам интересен.

Джим Вегенер Лингвилд является потомком дворянской фамилии Вегенер (*Wegener*), что возводит свою родословную к древнейшему датскому роду Хвайдов (*Hvide*). Происхождение славного рода Хвайдов, ставшего в XI-XII веке самым могущественным кланом Дании, связано с полумифической личностью Скъялма Хвайда (*Skjalm Hvide*), бывшего хёвдингом в Рюгене. Исторически представители Хвайдов сыграли весомую роль в христианизации Скандинавского региона и Балтийского Поморья, первыми среди датчан приняв христианскую веру и борясь с языческим наследием. Чего стоит только архиепископ Лундский, Абсалон Разрушитель, прозванный так за уничтожение им в Арконе храма Свентовита (Святовита), почитаемого руянами. Но передаваемое из поколения в поколение в роду предание описывает иную картину.

Рассказывают, что клановое имя Хвайдов произошло от слова «белый» (датск. *Hvide*), в противовес «чёрным» (датск. *svarte*) викингам с берегов Сконе, называемым *Svarte Skåning* — с ними Хвайды вели войну задолго до начала христианизации. Защищавший свои родовые земли на островах Зеландия, клан датчан противостоял поселившимся в Сконе темноволосым воинам, прибывшим из «вендских земель» — бывшая славянской Померания и острова Рюген, Воллин, Узедом. «Чёрными» жители Сконе назывались не только из-за цвета волос, но и за почитаемого ими бога. Они превозносили Тора, называя его чёрным (шведск. *den svarte*), и не особо жаловали почитавших Одина датчан, называя их бога белым (шведск. *den vite*). В конце концов изгнав поселенцев с южного берега Швеции, клан Хвайдов в этой распре показал себя верным защитником своих богов. И видится мне символичным, что потомок первых датских христиан, Джим Вегенер Лингвилд, решил вернуть своему народу древнюю веру в Асов.

Сага Сага

Полотно с генеалогией хозяина дома и статуи волков рядом.

Лингвилд не только знатен, но и действительно богат. И благосостояние своё он приумножил, вдохновившись искусством древнегерманских мастеров. Наделяя современные объекты художественными чертами средневековых артефактов, Лингвилд, как дизайнер, возрождает самобытную эстетику древнего язычества. Переплетение звериных, растительных и геометрических образов в работах Джима сближает современный мир с космогонией мифов. И его труд востребован: в 2016 году коллекция одежды Лингвилда была куплена в Китае за 61 000 000 датских крон (605 800 000 рублей). Но Джима не зря называют героем — всю эту сумму он пожертвовал на лечение больных детей в Китае. Джим вообще уделяет благотворительности немало внимания и дома, в Дании, регулярно проводит мероприятия, способствующие интеграции иммигрантов в датское общество. Так, подросткам, бежавшим от ужасов войны в Сирии, он даёт возможность познакомиться с культурой и историей Скандинавии, устраивая экскурсии в посёлке реконструкторов близ Оденсе.

Сага Сага

Изображение Одина перед храмом

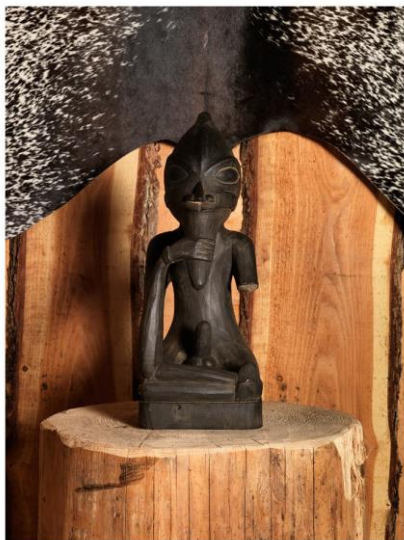
Северная мифология всегда вдохновляла Лингвилда, и во всяком деле, к которому он приложил руку, можно проследить эту связь. Выступая последовательным популяризатором скандинавской культуры, Джим опубликовал ряд собственных книг, участвовал в телепрограммах и радиопередачах, проводил рекламные акции и торговые кампании. Два раза в году — в июне и декабре — на десять дней он открывает ворота поместья, устраивая в своей усадьбе рынок, который посещают до 10 500 человек. В этих мероприятиях, называемых *Sommermarked* и *Julemarked*, участвуют более 35-ти различных ремесленников, предлагающих свои товары. Здесь можно найти ювелирные изделия и парфюмерию, деревянную мебель и раритетные издания, продукты питания и удивительные зрелища. Сам Лингвилд представляет собственную коллекцию ароматов и фитокосметики под маркой *Raunsborg® Nordic*, а также алкогольную продукцию пивоварни *Frejdahl*, где он и варит священный *Mjød*.

Сага Сага

Летняя ярмарка на территории усадьбы.

Отмечу, что проводимые в стенах поместья *Ravnsborg* языческие празднества, как и их древние аналоги, сильно связаны с фертильностью, плодородием и отчасти с эротизмом. Пламенеющие танцы театра огня, акробатические представления эквилибристок и цирковые выступления, развлекающие публику в поместье, имеют древний символизм. Во многом похожими были и древние праздники датчан, если верить свидетельству современников. В «Деяниях данов» (VI.5.10) говорится, что для обрядов языческих жертвоприношений, что тогда проводились в Упсале, были характерны «женоподобные движения тел участников тамошних церемоний, шутовские жесты и нежный перезвон колокольчиков». Отчасти это сохранено и в обычае современных праздников — некоторые девушки, участвуя в весьма фривольном конкурсе, готовы публично оголить грудь.

Идол Фрейры из храма

Противники

Но не всем он по нраву: активная гражданская позиция Лингвилда в вопросах религии, интеграции, политики вызывает неприятие у его оппонентов. Его необоснованно обвиняют в неонацизме, хотя выступления Лингвилда и бывают провокационными. За близость к Датской народной партии и за его страстные высказывания, призывающие к независимости Дании от ЕС, он подвергся нападкам

со стороны некоторых датских язычников и американских языческих организаций. Давнюю вражду к Джиму питают христианские чиновники, епископы Датской церкви и особенно Церковный министр (*Kirkeminister*) Бертель Хардер. Похоже, она вызвана участием Лингвилда в социальной кампании по отмене религиозного налога, уплачиваемого датчанами в пользу церкви. Впрочем, сам Лингвилд в ответ на все обвинения просто желает добра оппонентам.

Часть датских изданий выставляют Лингвилда нуворишем, распространяя домыслы о его материальном положении. Это уже не раз приводило к попыткам хищения имущества. Так, в мае 2013 года *Ravnsborg* был ограблен. Злоумышленники забрали множество вещей: новые образцы косметики и парфюмерии, фамильное столовое серебро, цифровую технику и небольшой грузовик. Но наибольшей утратой была потеря раритетного экземпляра книги «Датского травника» 1648 года (*Flora Danica-bog fra 1648*), благодаря многовековым знаниям которой Лингвилд создал ценнейшие парфюмерные и косметические композиции. Это была значительная потеря — издания «Датского травника», авторства доктора Саймона Паулли, чрезвычайно редки в Дании, потому оцениваются в 1 620 евро (120 000 рублей). Но через полгода он получил в подарок другое издание «Травника» от одного из подписчиков в *Facebook*.

Лингвилд прощает своих обидчиков, поражая широтой своих взглядов:

— *Люди вынуждены воровать вещи у других — это большая проблема. Но решить её можно лишь помогая нуждающимся. И это то, что я могу сделать.*

Но больше всего Лингвилда огорчает невежество людей, не понимающих сакральности мира и каждого его объекта. Джим считает, что современный мир потерял связь с божественным, и он сам стал свидетелем такого отношения. В июне 2017 некий идиот, пивом опившись, забрался на высокий престол Хлидскьяльв и опрокинул маску Одина, увенчанную серебряной короной. Корона была разбита на пять частей, а каменный глаз маски утерян. Глаз маски — простой галечный камень с природным рисунком в виде зрачка — был когда-то подарен Одину паломником, который проделал путь путь из Уэльса к святилищу и назвался «Странником». Не стоит удивляться, что хозяин, видя такое кощунство, тут же выгнал пьяницу с территории поместья. Джиму предлагали начать охранять *Valheim Hof* и ограничить посещение, но он решил не наказывать всех из-за ошибки одного. Потому что верит в людей и в сильные стороны богов.

Строитель храма так высказался по этому поводу:

— *Религия — для меня не игра, она со мной до конца. Я знаю, что боги позволили сделать мне что-то выдающееся для них, но они могут также всего меня лишить. И я буду должен принять такое решение.*

Ценность места.

Возведённый Лингвилдом храм *Valheim Hof* внёс весомый вклад в возрождение нативного язычества германских народов. Тысячи человек могут прикоснуться к божественным образам, посетив поместье *Ravnsborg* в дни языческих празднеств. Прекрасный деревянный храм уже стал местом паломничества для десятков европейских и американских язычников. Проводимые в стенах святилища

Сага Сага

религиозные обряды становятся известны другим язычникам благодаря странице в *Facebook*. Строительство храма послужило примером для других верующих в их стремлении воздвигнуть собственные святилища. Для Дании поместье Лингвилда — не только красивый частный дом или прекрасная достопримечательность. Это целое культурное явление, находящее свои идеалы в истоках датского народа. И всё больше людей находят важным сохранение своей национальной культуры, а часть из них ещё и возрождают древнюю веру.

Гудрун Виктория Готвид в храме

Именно такой организацией является *Forn Siðr* — датское сообщество верующих в Асов и Ванов (*Forn Siðr, Asa- og Vanetrossamfundet i Danmark*). Основанное в 1997 году сообщество было признано государством в 2003 и на сегодня имеет множество последователей³, среди которых и сам Джим Лингвилд. Общество с момента признания имело право организовывать свадьбы, похороны, обряды имянаречения и ритуалы перехода в духе традиции, а с появлением храма может регулярно проводить таинства в освящённом месте. Кроме этого, сообщество получило от властей Оденсе часть городского кладбища *Assistenskirkegården*, где в марте 2015 был установлен современной работы рунический камень из Еллинга. Руническая надпись, идущая по окружности окрашенного в чёрный и красный цвет камня, гласит:

³ В 2016 году в организации состояло более 600 членов.

Сага Сага

Forn Siðr воздвиг этот камень,
отдавая дань
мужчинам и женщинам,
вновь скрепившим узы
с Силами
старых времён.

Представители *Forn Siðr* выступают священнослужителями и хранителями храма, несмотря на то, что здание является собственностью Лингвилда. В мае 2016 одна из старейшин сообщества, называемых тулами (*þul*), Гудрун Виктория Готвид (*Gudrun Victoria Gotved*), участвовала в освящении святилища, когда она и две другие жрицы принесли в жертву девять петухов в ходе ритуала *Odinsblot*. Окропив жертвенной кровью стены здания и самих участников, жрицы, держа факелы, обошли вокруг святилища по ходу солнца, а после был пир. Вместе с жрецами *Forn Siðr* Лингвилд проводит шаманскую практику сейда (др.-сканд. *seiðr*), в ходе которого участники, окружив сидящую в центре женщину, расппевают ведовские песни *vardlokkur*, наподобие тех, услышавший которые в 950 году путешественник Ибрагим ибн Якуб назвал «собачьим лаем⁴». Бой барабанов, аромат благовоний и трав, ритмика песнопений вводит женщину, называемую вэльвой (*völva*), в состояние транса. В этот момент предводитель мистерии, задав ей вопрос, может получить божественное откровение.

Вклад Лингвилда в возрождение язычества оценён многими язычниками за рубежом. Шведская организация *Nordiska Asa-samfundet*, возводящая собственное святилище, подарила поместью мемориальную доску за стойкость её хозяина. Культурное объединение *Särimner* преподнесло в дар Джиму три статуэтки скандинавских богов. Американские язычники из группы *American Viking* гордятся тем, что уже упоминавшееся железное кольцо с узорной накладкой на дверях храма было создано их руками. И во многих странах Европы, где язычники славят скандинавских и германских богов, Лингвилд был почётным гостем на языческих празднествах. Джим лично знаком со многими жрецами Исландии, Швеции, Норвегии, Польши и других европейских стран.

Думая о будущем, Лингвилд склоняется к мысли, что святилище *Valheim Hof* следует передать сообществу *Forn Siðr*, чтобы храм всегда был открыт для посещения:

— Храм — не простое строение, он должен оберегать сакральность. Есть люди, желающие в будущем здесь жениться или молиться, и я сам буду общаться здесь со своими богами. Это здание будет стоять здесь долго. Я передаю

4 Ибрагим ибн Якуб ал Исраэли ал ат-Тартуши (ок. 912 -966 гг.) — арабский путешественник и автор путевых записок. Еврей по происхождению, родился и жил в испанской Тортосе, находился в тесном контакте с халифами арабского двора в Испании. В 965-966 гг. прибыл в составе посольства халифа ко двору Оттона I в Магдебурге, посетил полабские славянские земли, затем двинулся через территорию лужицких сербов в Прагу, затем в Польшу (Краков). После возвращения Ибрагим составил описание своего путешествия, которое дошло до нас в переработке испанского географа аль-Бакри в составе его «Книги королевств и путешествий» (1068 г.). О жителях города Шлешвик (Шлезвинг) Ибрагим писал: «Никогда я не слышал более отвратительного пения, чем у шлезвигов: из глоток их исходит вой, подобный собачьему, но еще более дикий».

Сага Сага

культурное наследие и надеюсь, что кто-то будет хранить его ещё долгое время после моей смерти.

Внимание к традициям со стороны Джима Лингвилда, возведённый им деревянный храм и славные поступки, примиряющие разные культуры в его родной стране, позволяют восхититься его религиозным служением. Этот человек своим примером показывает, что вдали от влияния доминирующих мировых религий есть принципиально отличающееся языческое мировоззрение, несущее новые перспективы и решения проблем человечества. И Асатру — только одна из существующих форм возрождаемых нативных религий. Язычники из разных мест мира начинают влиять на общественное мнение в вопросах экологической безопасности, межкультурного общения, свободы религиозных взглядов, социальной благотворительности и даже демографической политики. А это значит, что языческий взгляд востребован обществом, и именно обществу нужны наши храмы.

Служите обществу, как это делает Лингвилд, служите своим богам и будьте верны вашим клятвам! Доброго Мидсаммера, Верные!

Полезные ссылки:

Страница Джима Лингвилда в *Facebook*: www.facebook.com/Jim-Lyngvild/214848801894802

Страница сообщества *Forn Siðr*: www.fornsidr.dk

Адрес храма: *Hågerupvej 33, Korinth, Faaborg, Danmark.*

IV. Заметки реконструктора.

Мастер-класс «Жар-птица»

Авторы - Светлана Волкова (Рогнеда),
Алла Романова (Рунфрида).

1.С помощью картонок сделать 3 намотки из джутовых или льняных нитей (9,5; 10,5; 12,5 см)

2.Каждую из намоток сложить в форме восьмёрки

3.Перевязать намотки любыми яркими нитками. Это будут крылья птицы

4.Отмерить 20см джутовой нити

5.Сделать намотку для тела птицы

6.Отмерить около 16см нити для клюва

7.Сформировать клюв с помощью красной нити

8.Соединить клюв с телом птицы с помощью той же красной нити

Вот то, что должно получиться

9.сформировать голову птицы и завязать

Сага Сага

10. Вставить
внутри тела
крылья и
сформировать
тело, перевязать
нитью.

11. Сформировать
хвост птицы с
помощью
цветных ниток

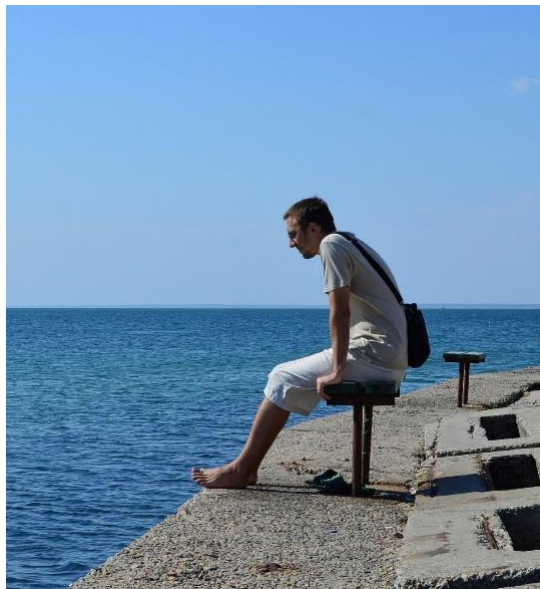
Птицы готовы!

У. С кем нам по пути

«Северная слава» деяний достойных.

Интервью с Тимофеем Ермолаевым (*aka Stridmann*)

Сегодня редакции «Саги» с огромным удовольствием берёт интервью у человека, имя которого знакомо многим, интересующиеся Скандинавией, хоть древней, хоть современной. И одновременно — у человека, о котором, кроме имени и воистину огромного объёма сделанного, никто ничего не знает. Тимофей Ермолаев, известный в интернете так же как *Stridmann*, переводчик с исландского, благодаря которому мы познакомились с «Книгой о занятии земли», многочисленными сагами о древних временах, исландскими сказками и висами. И одновременно — основатель и бессменный администратор сайта *Norrœn Dýrd*¹ («Северная Слава»), сайта, ставшего незаменимой энциклопедией древнесеверной литературы, базой данных со статьями известных учёных, с замечательными и более чем востребованными словарями древнеисландского, а с недавних пор ещё и древнеанглийского языка. Частый автор нашего альманаха и терпеливый Наставник одного из его соредкторов. А ведь есть ещё в багаже Тимофея и необычные художественные произведения², и довольно ехидные комиксы о приключениях древних королей, троллей, колдунов и богов... Даже один только список сделанного внушает уважение.

1 Адрес сайта: <http://norroen.info/> . Адрес группы поддержки в ВКонтакте: <https://vk.com/ndyrd> .

2 С художественными произведениями Тимофея можно познакомиться по адресу: <http://samlib.ru/s/stridmann/> и <http://stridmann.narod.ru/> .

Сага о Гисли Сага

При всей огромной Вашей работе в Сети Вы остаётесь личностью очень непубличной, и это — в век подчёркнутой открытости и повального желания сообщать миру о каждом шаге. Все же расскажите немного о себе, хоть в общих чертах. О своей жизни, интересах, о том, как вышло, что Вы заинтересовались исландским языком и культурой Скандинавии...

О жизни рассказать могу мало увлекательного. Родился, учился, женился... Да это никому и не интересно. А вот насчёт исландского языка и всего остального — может быть, кто-то уже слышал эту историю, но всё началось с 8 тома «Библиотеки всемирной литературы», в которой в 1973 году были опубликованы исландские саги (вместе с ирландскими сагами, но их оставим в стороне). Тогда я учился в средней школе и читал всё подряд, и в советское время серия БВЛ предоставляла большие возможности для пытливого ума. Если конкретнее, то дверь в мир древнеисландской литературы мне открыла «Сага о Гисли». Герои саги, в общем такие же люди, как мы с вами, рождались, женились, дружили, враждовали, но также убивали друг друга и мстили за оскорбление и смерть друзей или родственников. При этом диалоги и монологи были порой сдобрены хорошей порцией своеобразного чёрного юмора, что не могло оставить равнодушным. Я «проглотил» остальные саги (небольшая заминка получилась с «Сагой о Ньяле», я увяз в юридических склоках и вернулся к этой саге позднее), а в 9 томе БВЛ наткнулся на знакомые имена, которые часто упоминались в странноватых для меня тогда висах (стихах) саг. Чёрт возьми, саги и «Старшая Эдда» — это всё части одного целого! А в школьной библиотеке я нашёл в советской энциклопедии статью о рунах! В общем, теперь я рисовал в тетрадке руны, записывал имена скандинавских богов и цитировал на память строфы из «Прорицания вёльвы» и других песен (надо отдать должное талантливому переводу А. Корсуна). Но дальнейшего развития интереса не было, пока в 1999 году я не получил доступа к Сети...

«Северная слава»: начало. Именно так выглядела главная страничка сайта в далёком 2001 году.

Сага Сага

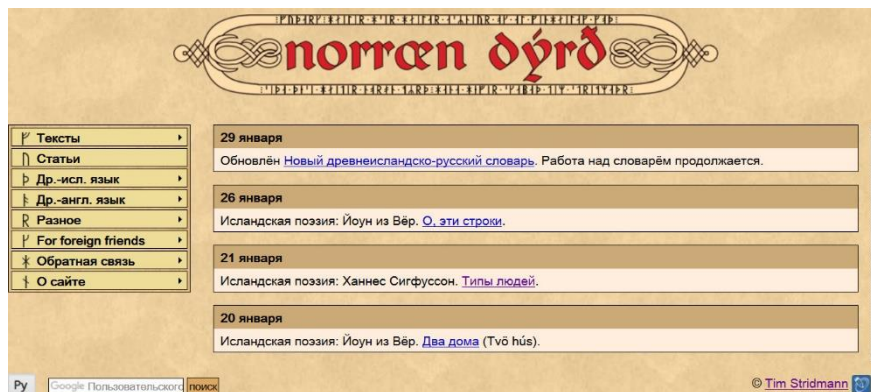
Ваш сайт давно уже стал «домашней страничкой» и местом паломничества для всех, интересующихся эпохой викингов. Подозреваю, что и для многих профессиональных скандинавистов тоже, хоть последние и не спешат признаваться. Ему уже 17 лет, для столь эфемерного явления как Интернет это — огромный срок. Как родилась сама идея создать ресурс, кто и как принимал и принимает в этом участие? В каком направлении планируется сайт развивать? Каким образом желающие-новички могли бы помочь Вам в работе?

Думаю, надо продолжить свой рассказ, тогда будет понятнее. Итак, я попал в Сеть, был впечатлён размерами раскинувшегося передо мной океана информации. Стало понятно, что можно всерьёз заняться каким-нибудь старым увлечением. Я оказался перед развилкой. Скандинавия или кельтская мифология с древнеирландским языком, а может Древний Египет или Шумер, или заняться латинским языком, или древнегреческим? Всё для меня было интересно, но хотелось выбрать один путь. В общем, понятно, что я выбрал. Первым делом я нашёл и распечатал «Младшую Эдду» (да-да, до этого она не попадала мне в руки, только пересказы для детей), древнеисландские тексты, краткую грамматику древнешведского языка (древнеисландской тогда не было вовсе). Теперь в тетрадке я записывал древнеисландские слова, их склонения и так далее.

Основным источником древнеисландских текстов в интернете тогда был сайт «Мифы и легенды» Александра Эрлиха. Я написал ему письмо, послал список найденных опечаток. Но к тому времени Эрлих потерял интерес к своему детищу. Халгар Фенрирссон, который оцифровывал новые саги и тоже был раздосадован тем, что сайт не обновляется, предложил сделать сайт мне самому. Что я и сделал на хостинге Народ.Ру 10 октября 2000 года. Название сайта — «Северная Слава», *Norræn dýrð*, предложил норвежец Тур Йере (*Tor Gjerde*), с которым я тогда активно переписывался по теме древнеисландского языка. Цель для сайта изначально была собрать в одном месте все возможные древнеисландские памятники, причём как русские переводы, так и тексты на языке оригинала.

Потом мне подарили учебник древнеисландского языка Стеблин-Каменского, и я сказал себе: почему за все годы, прошедшие с 1955 года (первого издания этой книги), до сих пор остаются не переведены все оставшиеся саги о древних временах (которых 30 с лишним) и родовые саги (которых около сотни)? Почему люди с дипломами и научными степенями бездействуют? Всех скандинавистов, действительно занимающихся переводами саг, можно пересчитать по пальцам... В общем, я попробовал восполнить пробел собственными силами и перевести один текст, затем второй, и продолжаю пробовать по сей день.

Сага Сага

Дизайн сайта сегодня

Теперь пора сказать вот что.

Я очень благодарен всем людям, которые в той или иной степени были причастны к созданию и развитию сайта. Халгар, Дарья Глебова, Евгений Мироненко, Маэлор, Хакон и многие-многие другие. Крю, без тебя мы не оцифровали бы словарь Беркова! Хадекен, без тебя сайт не переехал бы в новый дом! Павел и Александр, вы не даёте мне забыть о «Тидреке»! Ольге Маркеловой спасибо за сказки и прочее. Надежде Топчий я благодарен за помощь в вычитке переводов. Как здорово, что мы все познакомились в Сети!

Не обижайтесь, если я кого-то забыл тут упомянуть. Вы оцифровывали тексты, присылали список опечаток на сайте, давали советы, публиковали собственные материалы и переводы, вдохновляли на новые свершения. Спасибо вам всем!

Если же вы тоже хотите помочь сайту — присоединяйтесь. Мне не очень хотелось бы давать кому-либо конкретные задания, потому что считаю одним из главных принципов — делать то, что самому интересно. Но если вы можете что-то отсканировать и оцифровать, перевести или просто подбодрить добрым словом — спасибо.

Известно, что, как на всё ценное в этом мире, на Ваши материалы недавно позарились некие кендеры («берём всё, что не приколочено гвоздями, для приколоченного носим гвоздодёр»). Расскажите об этой досадной истории, если можно. И, заодно, какова политика сайта и Ваше личное отношение к свободному распространению материалов в Сети?

Если имеется в виду неприятная история с порталом *ulver.com*, то история вкратце такова. Некоторое время сайт хостился на этом сервере, взамен на главной странице стояли ссылки на их форум. К сожалению, их сервер часто блокировали (и было за что), и часто бывало так, что мой сайт был никому не доступен. В апреле 2017 года мне предложили купить собственный хостинг и домен второго уровня, после недолгих колебаний я согласился. Естественно, я поставил ссылку со старого сайта на новый... Но администраторам *ulver.com* это не понравилось, меня лишили

Сага Сага

доступа к старому сайту, прислали письмо, в котором обвиняли меня в чёрной неблагодарности. За что? За то, что многие годы рекламировал ваш форум, который мне не нравился? На данный момент всё обновления, что я выкладываю на «Северной Славе», они бессовестно воруют себе. Может быть, кто-то и не знает, что старый сайт украден.

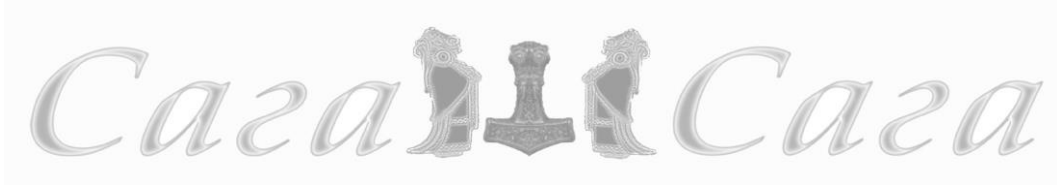
По поводу свободного распространения материалов в Сети — к этому я отношусь положительно, но с учётом нескольких моментов. Во-первых, у любого материала есть автор. Бумажный текст к тому же кто-то должен был отсканировать, распознать и вычитать. Нужно проявлять ко всем этим людям уважение, и если вы публикуете где-то материалы с моего сайта или иного ресурса — дайте, пожалуйста, ссылку и укажите, кто переводил, распознавал, фотографировал и т.п. Тексты и изображения не зарождаются в Интернете сами по себе, как, мне кажется, многие себе представляют.

Книги Т.Ермолаева по системе «печать по требованию»: <http://norroen.info/pod/>.

У Вас есть несколько изданных на бумаге переводов — по системе «печати по требованию» и в профессиональных издательствах. Расскажите о них, возможно, есть какие-то планы или намерения по дальнейшему изданию книг?

Для меня не является первоочередной задачей опубликовать свои переводы на бумаге. К тому же в данный момент имеются некоторые затруднения в сотрудничестве с российскими издательствами. Однако для тех, кто хотел бы получить, к примеру, переводы саг о древних временах, я подумываю о создании такого томика в «печати по требованию». Всё что нужно — сверстать текстовый блок, нарисовать обложку и собрать сумму на заказ авторских экземпляров. К сожалению, финансовая ситуация сейчас тоже не очень...

Какое место в Вашей жизни занимает «не скандинавское» творчество? Раньше ли оно родилось, чем увлечение Исландией, есть ли какие-то планы по выходу с ним из рамок дневников Живого Журнала и «Самиздата»? И вопрос, быть может, глупый, но почему именно в такой, то слегка сюрреалистической, то абсурдистской манере? Кто Ваши любимые авторы, или, быть может, повлияли как-то на творческую манеру любимые режиссёры?

Написание собственных рассказов началось гораздо раньше увлечения исландскими сагами, ещё в начальных классах. Во время учёбы в институте написал постапокалиптическую повесть «Дети Судного Дня» в жанре, как я её называю, студенческой прозы. В повести в несколько искажённой форме пересказывались события студенческой жизни и забавные стороны отдельных преподавателей. Также в ту пору начал писать маленькие рассказы, и это увлечение не оставляет меня и по сей день. К сожалению, с каждым новым годом сочиняется всё меньше. А тяга к сюрреализму... не знаю, так уж получилось.

Книги и авторы, к которым я отношусь с особым уважением и просто люблю: «Маленький принц», «Муми-тролли», Марк Твен, Эдгар Аллан По, О. Генри, Ярослав Гашек, Оскар Уайльд, Чехов, Герберт Уэллс, Александр Беляев, Дж. Р. Р. Толкин и другие.

Фильмы и режиссёры: Марк Захаров (от «Обыкновенного чуда» до «Убить дракона»), из зарубежных — поздний Тарантино, несколько фильмов Люка Бессона, Уэс Андерсон, Миядзаки. Некоторые аниме. «Время приключений». Многие моменты из того или иного фильма или мультфильма люблю пересматривать несколько раз...

Влияет ли знание и любовь к Скандинавии на увлечения в повседневной жизни? По крайней мере, в «настолки» по ведению хозяйства эпохи викингов Вы, кажется, играете всей семьёй? Читаете ли юной Софье Тимофеевне свои переводы? А свои сказки?..

К сожалению, скандинавская тема мало влияет на мою повседневную жизнь, друзья и близкие не интересуются ни сагами, ни скандинавской мифологией. И настольная игра «Во славу Одина» — увы, единственная на скандинавскую тематику. Мои сказки и некоторые рассказы ребёнок прочитал, надеюсь, кое-что Софье нравится. А отдельные исландские сказки я пересказывал собственными словами во время наших совместных прогулок.

Вопрос столь же стандартный, сколь и всех волнующий: Ваши ближайшие творческие планы?

Планы весьма туманны. Касательно собственного творчества — вдохновение, ах, где ты? Касательно сайта — пока у меня есть возможность им заниматься, я его не брошу. Касательно переводов... так или иначе, я ими продолжаю заниматься. «Сага

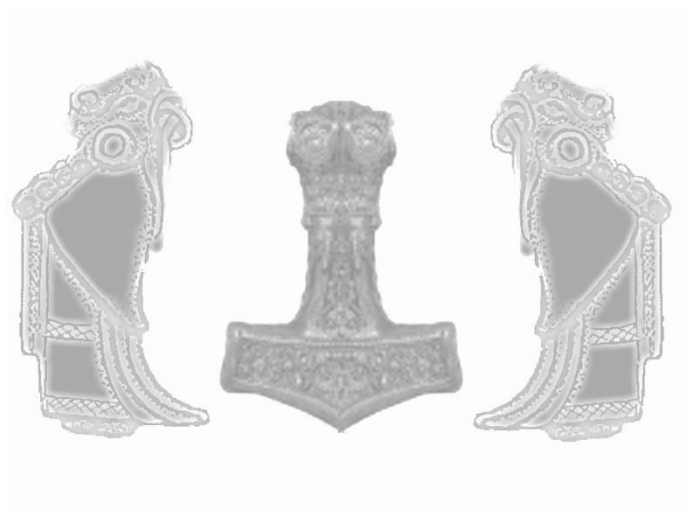
Сага Сага

о Тидреке», другие непереуведенные саги о древних временах и многое другое — всё это будет, дайте только срок.

Спасибо Вам за великое терпение во время ответов на назойливые расспросы. Успеха Вам во всём! А также достаточно сил, времени и возможностей, чтобы воплотить задуманное — к нашей общей радости.

Спасибо!

VI. Творчество Троль.

Автор - Баранов Анатолий Юрьевич.

В одном небольшом лесу жил-был тролль.

Лес был небольшим, но старым, и был неподалёку от города. Когда-то давно лес был молодым, и простирался на многие километры. Но некогда небольшой городок разросся, а лес становился всё меньше и меньше. И в этом лесу жил тролль.

Не под мостом, а именно в лесу, под старым поваленным ветром деревом, у самого родника. Иногда, в тёплые солнечные дни, тролль забирался на поваленное дерево, служившее крышей его дому, и, разлёгшись, грелся и слушал лес вокруг. В эти моменты он становился совсем невидимым. мех на плечах и спине у тролля был густой и тёмно-зелёного цвета и очень похожий на мох. Поваленное дерево, густо заросшее мхом, да только небольшие рожки, похожие на олени, которые всегда можно было принять за высохшие ветки. Их так и принимали. Иногда к роднику приходили люди, чтобы набрать воды, и тролля они не замечали. Иногда троллю казалось, что люди просто почему-то сами не хотят его замечать. А если кто-то и увидел, то просто убеждал себя, что ничего не было... Человеческое неверие было для него лучшей маскировкой. Он мог лежать или сидеть неподвижно и наблюдать. Однажды два человека пришли набрать воду и поставили рядом с ним сумку. Троллю стало любопытно, заглянув, он увидел еду и бутылку с какой-то жидкостью. Бутылка была приоткрыта и источала странный неприятный запах. Принюхавшись к содержимому бутылки, тролль чихнул громко, чем очень напугал людей. Они стали озираться опасливо вокруг, но, не увидев ничего, вроде бы успокоились. И ушли, правда, опасливо озираясь и уверяя друг друга, что им всё показалось.

Художник — Панкратова Евгения Анатольевна.

Сага Сага

Правда, иногда бывало и иначе. В один летний день тролль, радуясь погожему дню, предавался любимой игре. Он запрыгивал на молодое высокое дерево и начинал раскачивать его, и, когда ветки начинали стучать по веткам деревьев рядом, он, сильно оттолкнувшись, прыгал на другое дерево. И так продолжаться могло целый день. Обычно случайные гуляющие говорили что-то про сильный ветер и тому подобное, абсолютно не обращая внимания на то, что ветра-то вокруг и не было. Но ведь не могут же деревья сами раскачиваться, а значит это ветер. Так вот в один такой погожий денёк тролль запрыгнул на понравившееся ему деревце и начал его раскачивать, как вдруг увидел двух человек. Остановившись, он начал их с любопытством рассматривать. Люди не были редкостью в его лесу, но обычно они очень шумели, а эти шли, тихо переговариваясь между собой, завернувшись в длинные плащи с капюшонами. Да, давно, очень давно он такого не видел. Раскачав деревце, тролль запрыгнул на другое, чтобы получше рассмотреть их, как тут один из них откинул капюшон и, посмотрев на тролля, сказал: «Здравствуй Лесной Хозяин!». После чего оба уважительно поклонились и, как ни в чём не бывало, направились дальше.

— Да уж... разыгрался сегодня Мохнатый!

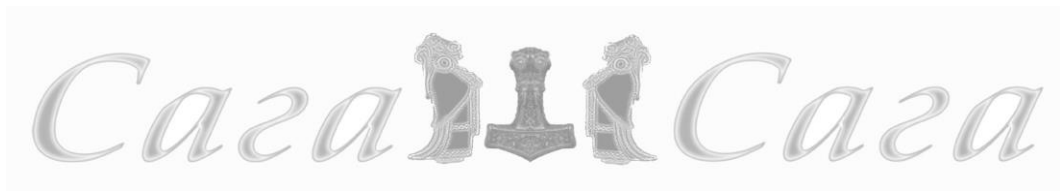
— Ага, аж деревья трещат....

Вот те на, думал тролль, глядя вслед и слушая разговор уходящих путников. А ещё ему понравилось имя, которым его называли между собой эти люди. Мохнатый. Да, это ему нравится.

Время от времени он видел поприветствовавшего его путника. Тот иногда прогуливался по лесу, так же завернувшись в плащ, или часами сидел на старом пне, видно думая о чём-то своём. После этих визитов Мохнатый находил небольшие гостинцы. Иногда это было вкусное яблоко, или краюшка свежего хлеба, а иногда это была простая лепёшка, пахнувшая костром и теплом рук.

Бельтайн.

Приближалось полнолуние. Луна уже вошла над деревьями, но ещё не стемнело. Тёплый, уже почти летний вечер. Ещё немного, и наступит совсем лето, станет совсем тепло, зазеленеет трава, распустится листва на деревьях. Ещё немного... Уже сейчас птицы своими песнями оглашали всю округу, а мелкое зверьё шныряло между корнями. Всё радовалось теплу. Мохнатый сидел на старом пне и тоже грелся. За зиму он соскучился по теплу. И сейчас, сидя на пне и прикрыв глаза, он наслаждался теплом. Какая-то мелкая птичка села на его рог и звонко защебетала. Мохнатый не стал её тревожить, пусть сидит. Тут откуда-то неподалёку потянуло дымом. Тролль открыл глаза, повернулся, чем спугнул маленькую певунью, и принялся. Точно, пахло дымом. Кто-то неподалёку развёл костёр. Люди. Мохнатый не очень любил их. Обычно шумят сильно и после себя оставляют горы мусора. Ему это не нравилось. Хотя бывали и исключения. В мгновении ока тролль оказался неподалёку от небольшой полянки. Он знал все тропки Леса и мог почти мгновенно отказаться в любом его уголке. Оказавшись у поляны, Мохнатый взобрался на одну из высоких ёлок и стал наблюдать.

Собравшихся на поляне было немного. Молодые люди и девушки в старомодных одеждах и длинных плащах что-то праздновали и веселились. Раздавался звонкий смех и пелись весёлые песни. Горел небольшой костёр. Деревья вокруг были украшены яркими лентами и небольшими фонарями. Мохнатому нравилось то, что он видел. Кто-то направился в лес с небольшим свёртком. Тролль знал, что позднее у одного из старых пней найдёт каравай свежего, ароматного хлеба. Это напомнило ему почти забытые времена, когда Лес был молод.

Вскоре стемнело. Люди расселись вокруг костра, завернувшись в плащи, и пригубив из небольших кружек горячего вина, начали рассказывать истории. Мохнатый сидел неподалёку и слушал с наслаждением истории о былых временах, об эльфах, гномах, троллях и старых Богах.

В один момент он, поднявшись и встряхнув рогами, громко хлопнул в ладони, и все мелкие духи, витавшие между корней, над ручьём и в кронах, полетели на его зов. Прилетев, они пустились в пляс, звонко смеясь и играя прошлогодней листвой. Их невидимые людскому глазу хороводы сперва заняли всю поляну, а потом соединись в один огромный круг, в центре которого стоял счастливый Тролль. Поднявшийся ветерок заколыхал плащи людей. Откинув капюшоны, они слушали игры духов. Мохнатый посмотрел, как распался хоровод, и разлетелись смеющиеся духи. Одни закружились у людского костра, а другие понеслись в лес, играть там. Потом он так же неслышно, как и появился, растворился в меж деревьев. Приближался рассвет Первого летнего дня...

Дети.

Замечательное летнее утро в лесу плавно перешло в тихий полдень. Мохнатый разлёгся на любимом дереве и грелся в лучах полуденного солнца. Утро было действительно прекрасным! Он, проснувшись, умылся росой, напился ледяной воды из ручья, наелся сладких ягод и от души порезвился, шатая молодые деревца. А сейчас тролль засыпал, разомлев на солнце. Но всё это было слишком прекрасно.... Стоило сладкой полуденной дрёме принять его в свои объятия, как чуткий слух Тролля уловил посторонний звук. Встрепенулся, прислушался. Да, так и есть, по лесу кто-то ходит. Люди тут бывают. Не каждый день, но всё же бывают. Кто-то шумит, кто-то тихо и задумчиво прогуливается... но в этот раз именно шумели. Приподняв голову и прислушавшись, Мохнатый услышал звонкий детский смех. Дети. Маленькие человечки. Для Тролля они всегда были чем-то сродни мелких лесных духов: весёлые, милые, но иногда слишком шумные. И старался, по-возможности, обычно держаться от них подальше. И повыше. Хотя, под хорошее настроение, мог послать к ним стайку лесных духов. Пусть кружат вокруг них и развлекают. И все довольны. А ещё он знал, что эти маленькие человечки, в отличие от взрослых, могут его видеть. И не пугаются даже. Мохнатый помнил, как один такой ребёнок показывал своим родителям на «лесного человека», а родители посмеивались над маленьким фантазёром. Тролль задумывался над тем, почему одни его видят, а другие нет, пусть он даже перед ними стоит... но потом ему стало это не интересно. Ведь ответ прост был — люди почему-то

Сага Сага

сами говорят себе, что чудес не бывает. Даже самых очевидных. Так что зачем тратить на них время? Ведь не важно, верят в него они или нет — он есть.

День пошёл на убыль. Тролль прислушался и понял, что слышит плач. Поднявшись и отряхнув с себя листву, он направился туда, где плакали. Подойдя ближе и глянув, Мохнатый понял: человек играл на краю леса, но видно увлёкся и оказался тут. И заблудился. Конечно, можно было просто уйти, но... нельзя... Мохнатый всегда возвращал выпавших птенцов в гнёзд и незримо оберегал заигравшихся лесных зверёнышей. Ребёнок плакал. И был голоден. Тролль обратился к лесу, и вскоре оказавшиеся перед ним пушистые зверьки направились к человеку. Никто ему не причинит вреда. Плач скоро сменился звонким смехом. Да, возня этих пушистых комочков всегда радовала Тролля. Набрав полные ладони вкусных и спелых ягод, он вернулся. Ребёнок не испугался, посмотрев на огромного лесного человека, на плечё которого сразу ловко вскарабкался один из его пушистых друзей, он с удовольствием принялся за ягоды. После чего Тролль осторожно взял ребёнка за руку и повёл его в сторону края леса. Там жили люди.

Самайн.

Пожелтели и опали последние листья на деревьях в лесу, а лужицы по утрам стали покрываться ледяной корочкой. Все лесные певуньи давно притихли, а мелкое зверье попряталось в норах. Всё в лесу чувствовало, что зима уже на пороге. Совсем скоро всё накроет белое покрывало и ударят морозы. Мохнатый тоже готовился к зиме. В скором времени он заберётся под старое дерево у ручья и, укрывшись опавшими листьями, крепко уснёт до самой весны. Зимой Тролль, как и лес, спал. Мохнатый был очень старым троллем, и сны его были о былых временах. Хоть первый легкий снежок уже пару раз серебрил лесные тропы, но по-настоящему зима должна была вступить в свои права на рассвете завтрашнего дня. А сегодня ещё пока осень. Последний Праздник осени. Волшебная ночь, когда грани между всем истончаются, и возможно всё. Когда мелкие лесные духи пустятся в дикие танцы между деревьев, чтоб на рассвете забиться в укромные уголки под корнями и уснуть. А кроме лесных духов возможны и другие Гости... очень нечастые Гости. В последний раз лет пятьдесят назад... Да, Мохнатый помнил, как Высокий Гость навестил его лес. Царственная осанка, тёмные одежды, спадающие до земли, и мудрость веков в изумрудных глазах.

А ещё тролль знал, что сегодня ночную тьму на укромной поляне в его лесу осветит большой костёр. Но не будет ни весёлых песен, ни игр.

Солнце зашло за горизонт, и на лес мягко опустилась тьма последней осенней ночи. Вскоре на поляне запылал большой и жаркий костёр, к которому потянулись все мелкие лесные духи, оставив ненадолго свои игры и закружив хороводы между молчаливыми молодыми людьми, стоявшими вокруг костра. Сегодня на них не было зелени, символизирующей пробуждение леса, и дубовых венков, а лишь скромные тёмные одежды. Только веточки остролиста были видны на некоторых. Мохнатый любовался пламенем и игрой духов, как вдруг увидел на краю поляны, у самых деревьев, высокий тёмный силуэт, опиравшийся на простой деревянный посох. Духи, беззаботно кружившиеся, насторожено замерли, но вскоре Высокий Гость растворился в темноте,

и они дальше продолжили кружиться. Мохнатый покачал рогатой головой. Вновь один из Гостей оказал честь его лесу. Один из Тех, про кого люди забыли или считают старой сказкой. Почти растерявшие бывшее могущество, но не ушедшие в забвение благодаря таким местам и людям, подобным собравшимся тут сегодня.

Трольль знал, что как только костёр начнёт гаснуть, каждый из собравшихся унесёт в свой дом в фонаре его пламя, которое будет защищать от непрошенных гостей этой ночью. Забравшись на высокую сосну, он видел, как цепочка из ярких огоньков направилась в сторону города, а ещё трольль знал, что у входа в лес его ждёт ароматный хлеб и прочие вкусные дары, оставленные специально для него.

Старая пивоварня.

Бывает, что посреди города, на одной из самых центральных и старых улиц стоят руины. Самые настоящие руины. Несколько этажей из растрескавшегося красного кирпича и облупившейся штукатурки. Отстраивать — нет денег, а снести — так вроде и нельзя. Хотя, может и можно, но ни у одного из последних владельцев это не получалось. То дела какие-то срочные и очень важные, а то и вовсе владелец куда-то пропал.

Вот так и красуются эти старые развалины, на радость юным любителям расписывать стены. А чтобы не смущать туристов, здание закрыли гигантской занавеской с рисунком дома. До лучших времён. Да так все и забыли.

Все, кроме старого рыжего кота, который живёт неизвестно где, но регулярно пробирается через дыру в маскировочной занавеске, а там — по кирпичам и куда-то вниз. Где его ждёт небольшая деревянная миска со свежими сливками.

Кот опустошает миску и начинает вылизываться, а в это время в стене вырисовывается дверь. Всего минуту назад была глухая кирпичная стена, а теперь в ней внушительная дубовая дверь. Потемневшая от времени, с латунными заклёпками и массивным кольцом-ручкой. Кот прекращает вылизываться, когда дверь тихо открывается, и появляется местный обитатель. Он так широк, что с трудом протискивается в дверной проём и немного сутулится. Кот безбоязненно подходит и трётся об огромный кожаный ботинок.

Трольль улыбается. Он любит котов. Осторожно поглаживает рыжего по голове, забирает миску и спускается в своё подземелье. А кот уходит по своим кошачьим делам.

Трольль поселился тут лет сто назад. В бочонке, с одним из приезжих работников. Сперва он, будучи почти незаметным троллёнком, прятался за бочками и котлами, а по ночам сидел на окне и жевал лепёшки, которые ему оставляли работники пивоварни.

О нём знали многие из тех, кто там трудился. Ведь сложно бывает не заметить сорванца, пусть даже с рожками и хвостом, который с любопытством заглядывает через плечо.

Сага Сага

Хотя когда тролль не хотел быть увиденным, то заметить его можно лишь мельком, уголком глаза и случайно.

Но он никогда не пакостил и даже немного помогал. По утрам в пивоварне всегда было подметено, да и крыс не было там. А если что ломалось — то мог и починить. Потому его любили, не трогали и всегда оставляли чего вкусного поесть. А один раз даже не пустили к бочкам местного попа, хоть тот и рвался.

Годы шли, работники — кто ушёл, а кто помер. Да и со временем завод начал меняться. Тогда тролль спустился в один из старых подвалов, где поставил котёл, и стал там жить и варить пиво. А выходил он всё реже, да и то — чтобы покормить котов. Уж больно он их любил. И коты всегда ему отвечали взаимностью.

Художник — Панкратова Евгения Анатольевна.

Сага Сага

Руническая поэма.

Автор — Дмитрий Доброчинский.

*В оформлении поэмы
использованы работы художника
Анатолия Кудрявцева — с
любезного разрешения автора.¹*

В землю свои знания
Зарывать не стану.
Запишу — заметят
Пусть их и запомнят.

Вырезал Высокий
Руны, людям вынес.
Всяк речам внимает,
Да не всяк услышит.

Скот пасётся в поле.
Скотовод прилежен —
Потом своим платит
За свою же прибыль.

Быстрое богатство
Много бед скрывает.
Берегись — бездонны
Омуты блаженства.

¹ Страничка Анатолия Кудрявцева в ВКонтакте <https://vk.com/zemlynin>

Сага Сага

Знаменит здоровьем,
Силою тур знатной.
За простым забором
Не удержишь зверя.

Силу сообразно
Своим нуждам тратят —
Иль стихией станет,
Всё сметая напрочь.

Хоть и мал, да много
Принесёт мороки,
Маяты и муки
Мелкий шип коварный.

Турс свиреп и страшен.
Сносит все преграды.
Мидгарда сын славный
Не один им стублен.

Мудрой мысли ценность
В мире есть ль дороже?
Много ли — за мудрость
Глаз отдать Мимиру?

Пред Богов престолом
Мудрые в почёте.
Почестью, признаньем
Мудрецу все платят.

Сага Сага

Долгая дорога
Вдаль ведёт от дома.
А дано дойти ли
Каждому до цели?

Полон путь загадок,
Взлётов и падений.
Пир или погибель —
Что за поворотом?

Пламенем пронзает
Факел тьму, пылая.
Путь осветит поздний,
Скрытое проявит.

Разве рады язве,
Болью плоть разящей?
Но раскроет рана,
Где недуг развился.

Дорог дар любому,
Коль дают от сердца.
Дай ответ на дар, но
Не дари без меры.

Связи сделать крепче,
Гнев сменить на милость,
Иль скрепить два сердца —
То под силу дару.

Сага Сага

Путь проделав долгий,
Рад ночлегу путник.
Принесет победа
Радость после битвы.

Разум радость тешит.
Разве в этом смысл?
Радость у ребенка
Разной с взрослым будет.

Град весенний выбил
Всходы беспощадно.
Но не все — кто выжил,
Стал вынослив боле.

Страх перед стихией
Переборешь в схватке –
Сделает сильнее,
Избежать дав смерти.

Труд тогда не в радость,
Когда мысль о том лишь,
Как нужды ты терпишь
Тяжкие оковы.

Но нужда быть может
В назиданье данной,
Новым начинаньям
Нужное подспорье.

Сага Сага

Ломок лёд и хрупок,
Но скуёт любого.
Поплывёт ли лодка
В ледяных просторах?

Пауза полезна
Перед важным делом.
Лишь печаль приносят
Спешные поступки.

Всходы все созрели,
Вырос скот и птица,
Вяленого вепря
На всю зиму хватит.

Приготовить поле
Надобно к посеву —
Не получит пахарь
Урожай без пота.

Крепок тис корнями,
Кроной ввысь стремится;
Конунгу даст копьё,
Жар от дров камину.

Лишь в стабильной связи
Сила, постоянство.
Даже жизнь со смертью
В строгом равновесьи.

Сага Сага

Страшной силой тайны
Манят за собою.
Судьбы наши скрыты
За семью замками.

По пятам смерть ходит —
Страх пред ней бессмыслен.
Смерть - она, по сути,
Переход, не боле.

Ранит лось рогами,
Рьяно защищаясь.
Рвёшь осоку — режет
Листьями в кровь руки.

Зверь защиты ищет,
Хищник ждёт в засаде.
Знай, что не зорно
Часом затаиться.

Туч щитом сльвёшь ты,
Гонишь тьму ночную.
Тяжек, Суль, удел твой,
(но) Свет ты людям даришь.

Сильный смелый конунг —
Славный вождь народу.
Сквозь столетья люди
Славить его будут.

Сага Сага

Тюр — великий воин.
Вряд ли бы связали
Волка, не вложи он
В пасть Фенриру руку.

В меру милосерден,
Честен муж, отважен.
Мерзок, малодушен
Муж женоподобный.

Стройный стан берёзы
Не губи ты, сжался —
Сможешь скрыться летом
Ты в тени от солнца.

Деве если даришь
Доблесть и защиту,
Даст заботу дева,
Мир, добро и ласку.

Пешему проблема —
Эх, поспеть бы к сроку.
Путнику подмога
Конь в пути далеком.

Славный сын у Локи
И у Свадильфари!
Скор скакун. Известно —
Нет Слейпниру равных!

Сага Сага

Род людской разнится
Ремеслом и нравом,
Кто в рванье, кто в рясе,
(но) Все равны пред смертью.

Трелль ты или ярл –
То лишь атрибуты.
Только Я своё ты
Не теряй — не сыщешь.

Быстр поток бурлящий,
Берегов не видно.
Беды иль богатства
В глубине бездонной?

Девам дар прекрасным
Дан самой природой:
Долю знать деяний,
Что к добру, что к худу.

Семя, что ты сеешь,
В своё время всходит.
Коль сорняк садил ты,
Не сожнёшь пшеницы.

В памяти потомков
Предки так же живы —
Посему постыден
Перед смертью ужас.

Сага Сага

Дорог дом бродяге
Долгой злой зимою.
Дом с семьею дружной —
То душе отрада.

Крепко корнем древо,
Сад плодами красен.
Крову крови славной
Крах вовек не страшен.

Даром день был прожит,
Коль не дал плодов он;
Да¹ дурная слава
У ночных деяний.

Солнца свет прогонит
Прочь полночный сумрак.
Самый сложный подвиг —
Сызнова всё начать.

Рун не должен резать
Тот, чей разум чужд им.
Не ругайте резко
Вы работу скальда.

Думаю, довольно
Умному сих данных.

1 Примечание автора: здесь в значении «но».

Сага Сага

Этноархаика Максима Сухарёва.

Максим Сухарев – художник из Иркутска со своим оригинальным стилем. Закончил исторический факультет ИГУ. Рисует на тему славянской мифологии и шаманизма. Автор стремится соединить в своих работах первобытное восприятие мира с данными научных исследований в области традиционной славянской культуры. Стиль работ пока определим как Этноархаика. Но на самом деле автор до сих пор пытается создать свой собственный неоязыческий стиль.

<http://vesemir.blogspot.com/>

<https://vk.com/albums-64552503>

https://www.facebook.com/pg/timeofmyths/photos/?tab=album&album_id=481931815292821

Купалье

Сага Сага

Русалки

Между Месяцем и Солнцем

Волки да Вороны

Дом восходящего Солнца

Сага Сага

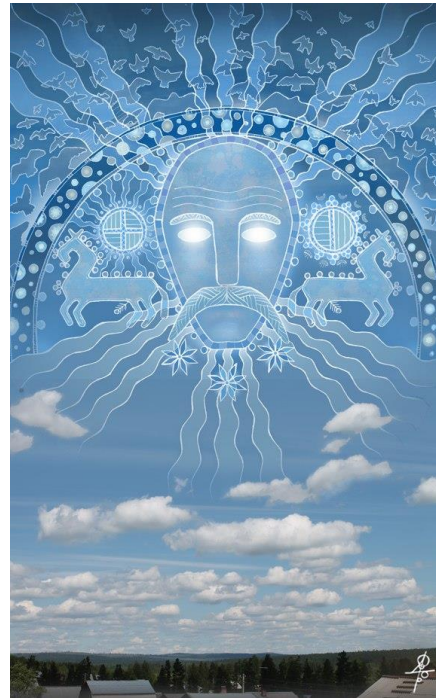
Ночь

Колобок

Отец Огня

Отец Небесный

Сага Сага

Плодородие

Мать Богиня и Прибоги

Год

Сага Сага

Время мифов

Сага Сага

Сага № 16 / июнь 2018г.

Редакторы:

Надежда Топчий (Tradis),

Светлана Волкова (Rogneda)

Елена Черноярова (Tjorn)

Обратная связь.

Если у вас есть интересные материалы для следующих публикаций, пожелания и предложения по нашей работе, пишите нам

vyshezor@mail.ru

Мы заинтересованы в вашем участии в нашем проекте. Если вы заинтересованы нам помогать любыми посильными способами, вступайте в клуб в ВКонтakte https://vk.com/saga_journal

Все авторские права принадлежат глубокоуважаемым авторам

